P2 8/103

ф2 8/108

К. Пасхаловъ.

1658

Погрѣшности обновленнаго 17 октября 1905 года Государственнаго строя и попытка ихъ устраненія.

Москва. 1910.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савелов. п.
7824

27572
28. X. 1924

Погрѣшности обновленнаго 17 октября 1905 года Государственнаго строя и попытка ихъ устраненія.

I.

Во всей исторіи не только Россіи, но и всего человѣчества, едва ли какая другая эпоха сравнится съ переживаемой нами по обилію и значенію реформъ, предпринятыхъ безъ сомнѣнія для всесторонняго усовершенствованія благоустройства Государства и улучшенія жизненныхъ условій населенія. Вначалѣ, когда вводился новый порядокъ высшаго управленія государствомъ, когда онъ находился, такъ сказать, еще въ броженіи и не пріобрѣлъ надлежащей устойчивости, было преждевременно судить о его качествахъ. Но теперь, послѣ достаточно продолжительнаго примѣненія его на практикѣ, послѣ смѣны трехъ комплектовъ Государственныхъ Думъ, изъ которыхъ послѣдняя получилась по улучшенному закономъ 3-го іюня порядку выборовъ, накопилось достаточно матерьяла для болѣе или менѣе правильной оцѣнки реформированнаго Государственнаго строя.

Теперь уже своевременно задаться разрѣшеніемъ вопроса; оправдала ли реформа законодательнаго порядка возлагавшіяся на нее ожиданія? Упорядочила ли она разнообразныя проявленія Государственной жизни? Искоренила ли злоупотребленія, произволъ, казнокрадство, расточительность? Уничтожила ли „бюрократи-

чески-полицейскій“ режимъ, „приказный строй“, для чего именно и была предпринята? Облегчила ли тяжесть жизни обывателя, ставшую за послѣдніе годы совершенно невыносимою? И такъ далѣе. Къ величайшему сожалѣнію ни на одинъ изъ подобныхъ вопросовъ утвердительно не отвѣтитъ никто, къ какой бы серіи политическихъ воззрѣній онъ не принадлежалъ. Недовольны положеніемъ дѣла рѣшительно всѣ: и рядовые обыватели, жаждущіе единственно спокойствія и безопасности и ихъ ненаходящіе, и честолюбцы, неудовлетворенные предѣлами предоставленнаго участія въ управленіи Государствомъ, и патріоты, опасающіеся крушенія русскихъ основъ Государственнаго бытія, и многочисленные инородцы, не получившіе ожидавшихся ими автономій и равноправій. Не оправдалась ни одна надежда и оправдались всѣ опасенія, а жизнь населенія не пріобрѣтя ровно ничего новаго, хорошаго, потеряла даже ту устойчивость, которую имѣла при старомъ порядкѣ. А между тѣмъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство наше искренно стремилось предпринимаемыми реформами принести пользу и улучшить положеніе государства. Почему же всѣ его старанія не принесли ожидавшихся благотворныхъ результатовъ, въ чемъ кроется причина его неудачъ? Ихъ, конечно, очень много, но главная, все покрывающая, заключается въ оторванности нашего общества отъ народной жизни, въ совершенномъ незнаніи ея и ея потребностей, вслѣдствіе антинаціональнаго направленія нашего воспитанія. А такъ какъ это общество поставляетъ кандидатовъ въ правящій классъ, то не мудрено, что онъ при всемъ желаніи не можетъ отыскать правильный самобытный путь для удовлетворенія *русскихъ* государственныхъ нуждъ и путается по неволѣ въ чуждыхъ народу, но болѣе ему знакомыхъ западныхъ образцахъ, уже теряющихъ кредитъ даже на своей родинѣ.

Но кромѣ этой общей причины, разъѣдающей русскую государственность уже сотни лѣтъ, неуспѣшность

реформъ зависила и отъ частныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто при ихъ зарожденіи.

Такъ для кореннаго преобразованія внутренняго управленія государствомъ едва ли можно было считать удобнымъ то время, когда оно ведетъ тяжкую, сопровождающуюся поразительными неудачами войну. Никто, даже правѣйшіе изъ правыхъ не стояли за сохраненіе порядковъ, при которыхъ возможны были невѣроятныя закононарушенія всевозможныхъ видовъ; указывалась ими только несвоевременность государственной ломки и несовмѣстимость съ внѣшней войной, когда всѣ помыслы правительства должны быть сосредоточены на заботѣ о ея успѣшномъ окончаніи. Отсрочку реформъ до заключенія мира подсказывала, казалось бы, азбука благоразумія, однако тогдашнее правительство, по какимъ то совершенно необъяснимымъ причинамъ, вопреки здравому смыслу и логикѣ вещей, начало свою реформаторскую дѣятельность при громѣ Лаоянскихъ и Мукденскихъ пушекъ, въ разгарѣ мятежа и всеобщихъ забастовокъ, въ очевидно несбыточной надеждѣ усмирить ярость бунта либеральнѣйшими реформами.

Послѣдствія не замедлили доказать ошибочность разсчетовъ правительства: чѣмъ болѣе старалось оно подладиться подъ требованія такъ называемаго общественнаго мнѣнія, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти, тѣмъ неистовѣе дѣйствовала крамола, наисильнѣйшее проявленіе которой совпало съ послѣднею гранью уступчивости власти, выразившейся въ актѣ 17 октября 1905 года

Нельзя не обратить вниманіе на то, что во всей реформаторской горячкѣ 1905—6 годовъ проявилось несоотвѣтствіе слѣдствій съ вызвавшими ихъ причинами. Всеобщій голосъ, требовавшій реформъ, необходимость ихъ объяснялъ злоупотребленіями существующаго режима. Но едва ли существуетъ такой режимъ, при которомъ злоупотребленія были бы невозможны, а потому бороться съ ними перемѣною режима, если подъ нимъ разумѣть форму государственнаго правленія,

безполезно. Тотъ или иной режимъ способствуетъ болѣе успѣшному управленію государствомъ и веденію его къ благоустройству и процвѣтанію, но злоупотребленія, одинаково возможныя при всякомъ государственномъ строѣ, искореняются не перемѣною его, а строгимъ наблюденіемъ за добросовѣстнымъ исполненіемъ каждымъ своихъ обязанностей, за неуклоннымъ соблюденіемъ существующихъ законовъ и, главное, неослабнымъ караніемъ ихъ нарушителей и тѣмъ строже, чѣмъ выше ихъ положеніе въ обществѣ или правительственной іерархіи. Если же каждое закононарушеніе будетъ вызывать реформу, то государство очутится въ невозможномъ положеніи непрерывнаго преобразованія и, конечно, ни порядка, ни благоустройства въ немъ ожидать будетъ невозможно.

У насъ именно таково было положеніе. Беззаконія и злоупотребленія администраціи дошли, вслѣдствіе укоренившейся безнаказанности, до послѣднихъ предѣловъ нетерпимости; но вмѣсто того, что бы очистить правительственныя учрежденія отъ недостойныхъ чиновниковъ и подвергнуть ихъ примѣрному наказанію, начали искоренять пороки лицъ реформою учрежденій, оставивъ руководство ими въ тѣхъ же недостойныхъ рукахъ, уже уличенныхъ въ своей недоброкачественности.

Достойно примѣчанія и то, какъ современные коноводы общественной дѣятельности, громко и можетъ быть справедливо осуждавшіе недостойную „бюрократію“, искусно подмѣнили, при дѣятельномъ сотрудничествѣ этой самой „бюрократіи“, объектъ своего нападенія и вмѣстѣ съ нею стали искоренять не этотъ негодный исполнительный инструментъ власти, дѣйствительно требовавшій фундаментальнаго исправленія, но саму Верховную Власть, исторически вылившуюся на Руси въ неограниченное Самодержавіе.

Долой „бюрократически-полицейскій“ режимъ, долой „приказный строй“—таковъ былъ лозунгъ либеральныхъ общественныхъ руководителей, но вмѣсто

гибели бюрократіи, т. е. царства чиновничьяго произвола, мы теперь, послѣ реформъ, произведенныхъ съ цѣлію укрощенія его, наблюдаемъ небывало пышный разцвѣтъ этого ненавистнаго начала, а умаленіе выпало на долю нашей русской государствѣнной идеи—Самодержавія.

Правительство, принявъ ошибочно шумъ либерально-общественныхъ группъ за народныя требованія, дошло до послѣднихъ предѣловъ уступчивости предъ общественной демагогіей, но, какъ водится, не могло удовлетворить ея конечныя вожделѣнія, рѣшившись сохранить неприкосновеннымъ самодержавіе царя, хотя и поколебленное учрежденіемъ Государственной Думы съ огромною законодательною компетенціею и совершенно безграничною свободою дѣйствій и выраженій, перешедшихъ поэтому немедленно въ необузданность,

Но и этими широкими правами неудовлетворилась похоть власти политическихъ авантюристовъ и за обладаніе ею, въ полной, „конституціонной“ мѣрѣ, идетъ непрерывно настойчивая борьба. Въ этомъ, несмотря на все ихъ внѣшнее различіе, сходятся Думы всѣхъ трехъ сборовъ, только въ двухъ первыхъ стремленіе захватить власть выражалось съ явной прямолинейностью и потому отразить его было не трудно, въ послѣдней же подкопъ подъ власть ведется хитрѣе и тѣмъ, слѣдовательно, опаснѣе и бороться съ нимъ труднѣе. Такимъ образомъ Государственная Дума, какъ продуктъ реформы, основанной на невѣрномъ представленіи о потребностяхъ даннаго положенія государства, соображенной на-скоро, по чужимъ образцамъ, вылилась въ совершенно невозможное учрежденіе, вся существенная дѣятельность котораго свелась къ отвоеванію власти, а всѣ дѣловыя задачи и вопросы составляютъ нѣчто привходящее и рѣшаются не въ интересахъ государства, а въ интересахъ „тактики“ большинства, ведущей къ осуществленію его главной цѣли—захвату власти.

Ненормальность совершенно неестественная положенія Государственной Думы и ея отношеній къ Власти и законамъ очевидна и не можетъ не поразить изумленіемъ безпристрастное и спокойное наблюденіе. Вслѣдствіе какого то необъяснимаго извращенія понятій Г. Дума оказалась внѣ законовъ, внѣ всякой отвѣтственности за ихъ сознательныя нарушенія, и даже за совершеніе тяжкихъ преступленій. Всѣмъ памятны оскорбленія, которымъ подвергалась во всѣхъ трехъ Думахъ Верховная Власть, высшее Правительство, военная и гражданская администрація, „господствующая" Православная вѣра и ея служители и все это осталось безъ всякаго законнаго возмездія „достойнѣйшимъ", тогда какъ заурядный обыватель за тоже самое подвергался строжайшему наказанію. Точно также принадлежность къ противу государственнымъ партіямъ человѣка внѣ Думы признается преступной и карается, счастливымъ же избранникамъ въ Думу дозволяется открыто принадлежатѣ къ воспрещеннымъ сообществамъ и высказывать разрушительныя идеи, распространяемыя за тѣмъ распоряженіемъ правительства и на казенный счетъ, возбуждая соблазнъ въ заблуждающихся и прискорбное недоумѣніе въ разумныхъ.

Но этого мало. Правительство, допуская безграничную безотвѣтственность состава Государственной Думы предъ закономъ, въ то же время устроило ея организацію такъ, что и населеніе не имѣетъ ни малѣйшей возможности потребовать отчетъ отъ своихъ избранниковъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто изъ насъ, обывателей, можетъ сказать: кто собственно изъ такъ именуемыхъ „народныхъ представителей" имъ избранъ и обязанъ передъ нимъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Въ свою очередь и „представитель", избираемый группой выборщиковъ, не составляющихъ никакой опредѣленной коллегіи, не связанныхъ никакими общими интересами и въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершенно незнакомыхъ другъ другу, безслѣдно расходящихся послѣ подачи голоса за кандидата имъ лично неиз-

вѣстнаго, но кѣмъ то, почему то внушеннаго,—передъ кѣмъ этотъ избранникъ будетъ отчитываться?

Такимъ образомъ процедурой выборовъ, основанныхъ не на довѣріи къ извѣстному выборщикамъ кандидату, а на обязательномъ передовѣріи, наши Думскіе „народные представители" поставлены съ одной стороны въ полнѣйшую безотчетность передъ населеніемъ, а съ другой, установившимся на практикѣ отношеніемъ къ нимъ правительства, благопріобрѣли право неприкосновенности и безнаказанности какое бы беззаконіе и преступленіе не совершили. Сомнительно, что бы гдѣ либо и когда либо существовало такое удивительное учрежденіе и ждать отъ него серьезнаго дѣла и благопріятныхъ послѣдствій будетъ величайшимъ и гибельнымъ заблужденіемъ.

Безцѣльно и безполезно доискиваться теперь, что и кто были виновниками созданія столь неудачнаго, не обновленнаго, но, вѣрнѣе, крайне запутаннаго и совершенно неопредѣленнаго государственнаго строя. Но, ради спасенія государства отъ грозящаго ему разложенія, пора сознать надѣланныя ошибки и серьезно приняться за ихъ исправленіе.

II.

Теченіе Государственной жизни въ послѣдніе два столѣтія все было направлено къ одной цѣли; обратить Россію въ Европу, забывая, что создавшіеся тамъ порядки были послѣдствіемъ цѣлаго ряда историческихъ причинъ, что они представляютъ естественный и можетъ быть неизбѣжный результатъ многовѣковой постепенной эволюціи во взаимоотношеніяхъ между властью и народами, между правящими и управляемыми. У насъ же всякое стремленіе къ улучшенію той или другой части государственнаго механизма неизбѣжно начиналось со правки: а какъ этотъ вопросъ разрѣшенъ на Западѣ, и кончалось рабски точнымъ подраженіемъ,

безъ малѣйшей заботы примѣнить къ нашему быту, нашимъ особымъ условіямъ и подготовить прочное основаніе вновь созидаемому порядку. При такихъ условіяхъ трудно ожидать благотворныхъ результатовъ; и дѣйствительно почти всѣ реформы послѣднихъ столѣтій, привитыя чисто внѣшнимъ образомъ и не связанныя органически съ особенностями условій нашего быта и народнаго характера, не дали ожидавшихся отъ нихъ улучшеній. И, конечно, чѣмъ крупнѣе была подражательная реформа, тѣмъ ярче выдѣлялись ея отрицательныя стороны, и когда она наконецъ коснулась главныхъ основаній русской государственности, то поставила страну въ положеніе очень близкое къ окончательной гибели.

Неоспоримо, что давно воцарившаяся полная безнаказанность произвола и беззаконій всѣхъ чиновничьихъ сферъ и преимущественно высшихъ, не могла долѣе продолжаться. Можно допустить, что лучшимъ средствомъ къ прекращенію зла служитъ общественный, безпристрастный и независимый контроль въ лицѣ „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ, отъ населенія людей". Но можно ли утверждать, что таковой контроль удовлетворительно осуществился въ учрежденіи, наименованномъ Государственною Думою? На этотъ вопросъ рѣшительно всѣ группы населенія, всякихъ политическихъ оттѣнковъ, хотя и по разнымъ побужденіямъ дадутъ безъ сомнѣнія отвѣтъ отрицательный. Какая же причина такой неудачности этого новаго учрежденія? Да именно та, что оно не есть продуктъ оригинальнаго государственнаго творчества, вдохновленнаго знаніемъ русскаго народнаго характера и народныхъ нуждъ, а явилось какъ бы готовымъ, патентованнымъ въ западныхъ лабораторіяхъ, средствомъ оздоровленія государственныхъ несовершенствъ. Тамъ, на своей родинѣ, оно извѣстно подъ этикетомъ „конституціи", у насъ перемѣнили сигнатурку и то-же самое пустили въ употребленіе подъ названіемъ Государственной Думы.

Если при этомъ и была приложена какая забота о внутреннемъ содержанiи реформы, то только въ томъ смыслѣ, чтобы она вышла какъ можно „либеральнѣе", до послѣднихъ предѣловъ, допускающихъ сохраненiе въ Основныхъ законахъ титула „Самодержавiя". Но о томъ, что бы хотя мало-мальски приспособить этотъ западный государственный строй къ особенностямъ нашего жизненнаго уклада, нѣтъ ни малѣйшаго намека. И вотъ, въ настоящее время, послѣ 5-ти лѣтняго примѣненiя новой системы государственнаго управленiя, до очевидности ясно выступила ея полная несостоятельность для успѣшнаго благоустроенiя государства, зависящая не отъ непригодности какой нибудь частности, но отъ ошибочности основной ея тенденцiи.

Авторы новаго, или какъ говорятъ—обновленнаго Государственнаго строя задались какъ видно очень трудной и едва ли разрѣшимой задачей: ввести въ Россiи „конституцiю", понимая подъ этимъ терминомъ раздѣлъ верховной власти между монархомъ и народными представителями, при сохраненiи Самодержавiя. Что они въ своей реформѣ стремились къ ограниченiю верховной власти монарха очевидно изъ многихъ статей новыхъ основныхъ законовъ и между прочимъ той, по которой на утвержденiе Царя представляются только рѣшенiя большинства законодательныхъ учрежденiй. Этимъ уничтоженъ важнѣйшiй и существеннѣйшiй аттрибутъ самодержавiя—свободный выборъ Верховною Властiю рѣшенiя среди различныхъ мнѣнiй, и, собственно говоря, для полнаго осуществленiя у насъ конституцiи и при томъ наилиберальнѣйшей въ смыслѣ безграничной безотвѣтственности г.г. „народныхъ представителей" недостаетъ лишь одного—присяги Монарха въ ея соблюденiи. Что учрежденiе Государственной Думы есть дарованiе, хотя и нѣсколько прикровенное, конституцiи, это такъ понято и очень значительнымъ большинствомъ „достойнѣйшихъ", думскихъ составовъ, начиная съ сравнительно умѣренныхъ октябристовъ, если еще не правѣе, и

декларація г. предсѣдателя Совѣта Министровъ при открытіи 3-ей Думы о незыблемости Самодержавія, о сохраненіи историческихъ основъ, о непригодности прививки къ русскому стволу чуждыхъ цвѣтковъ, не поколебали конституціонныхъ стремленій большинства, опирающагося на актъ 17 октября 1905 года. И, въ виду такого направленія, не удивительно, что большинство Государственной Думы ведетъ себя не какъ призванное къ сотрудничеству съ Властью и въ помощь ей, а какъ соправители, борящіеся за расширеніе своихъ правъ въ рѣшеніи Государственныхъ вопросовъ. Очевидно, что совмѣстительство *такого* народнаго представительства съ Самодержавіемъ невозможно.

Сторонники „конституціонныхъ" реформъ, доказывали ихъ необходимость утвержденіемъ, что неограниченное Самодержавіе есть „пережитокъ прошлаго", что это форма устарѣлая, не пригодная при настоящемъ политическомъ развитіи массъ. Но, неговоря уже о томъ, что политическое развитіе не только массъ, но и огромнаго большинства „интеллигенціи" и даже образованной части русскаго общества находится еще въ зачаточномъ состояніи, что доказываютъ ежедневно наши думскіе „достойнѣйшіе", относящіеся съ непозволительнымъ нерадѣніемъ къ своимъ обязанностямъ, въ утвержденіи объ устарѣлости Самодержавія едва ли есть здравый смыслъ. Неограниченная наслѣдственная Монархія, извѣстная у насъ подъ наименованіемъ Самодержавія, есть извѣстная идея Государственнаго Правленія. Народовластіе,—во всѣхъ его видахъ, начиная съ Монархіи ограниченной „конституціей", въ которой Монархъ съ народомъ соправительствуютъ и кончая республикой—этимъ фиктивнымъ народовластіемъ, осуществляемомъ наиболѣе ловкими пройдохами, представляетъ другую, противуположную первой, идею правленія. Можно спорить о преимуществахъ той или иной идеи, можно доказывать, что народное благополучіе легче и успѣшнѣе достигается приложеніемъ того или другаго способа, но говорить объ устарѣлости

одного изъ двухъ существуюшихъ идеаловъ государственнаго устройства не имѣтъ смысла.

Съ древнѣйшихъ временъ чередовались разные типы государственнаго устройства подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ событій, въ которыхъ менѣе всего играло роль политическое развитіе населенія. Оцѣнивать же правительственные идеалы слѣдуетъ не по практическому ихъ примѣненію, котораго достоинства и недостатки зависятъ отъ случайнаго удачнаго или неудачнаго подбора исполнителей, а на основаніи отвлеченныхъ соображеній, анализируя тѣ разумныя основанія, на которыхъ покоится та или другая Государственная система.

Высшій идеалъ, всякой власти есть безпристрастіе и справедливость. Въ неограниченной наслѣдственной Монархіи осуществленіе этого идеала принадлежитъ совѣсти и разуму Монарха,—поставленнаго выше всякихъ эгоистическихъ соображеній, котораго всѣ интересы неразрывно связаны съ интересами его страны и народа. При народовластіи идеалъ власти осуществляется народнымъ представительствомъ, посредствомъ механическаго подсчета голосовъ, большинство которыхъ и считается выраженіемъ вѣрнаго рѣшенія. Который изъ этихъ способъ осуществленія правительственнаго идеала лучше, дѣло убѣжденія и вкуса. Можно предпочитать тотъ или другой, но вводить одновременно въ Государственный строй оба значитъ осуждать на постоянную борьбу два несовмѣстимыя начала до тѣхъ поръ, пока которое нибудь не восторжествуетъ окончательно. Эту борьбу мы и видимъ теперь въ отношеніяхъ между Государственной Думой съ одной стороны и Верховной Властью и ея правительствомъ съ другой. Для прекращенія такого положенія, которое, предоставленное самому себѣ, должно окончиться государственной катастрофой, необходимо, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, выяснить съ несомнительною точностью, и опредѣлить въ ясныхъ выраженіяхъ, есть ли существующая Государственная Дума консти-

туціонное учрежденіе въ смыслѣ западно европейскомъ, каковымъ стремится сдѣлать ее большинство, не встрѣчающее до сихъ поръ по совершенно непонятнымъ причинамъ активнаго отпора со стороны правительства Верховной Власти, или же это есть учрежденіе, призванное помогать *Самодержавному* Царю въ благоустройствѣ Государства, ему подчиненное и права его неумаляющее?

III.

Но точное опредѣленіе положенія Гусударственной Думы въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій и по отношенію къ Верховной Власти составляетъ только первую мѣру къ устраненію разномыслія въ ея истинномъ значеніи. Устраненіе этого капитальнаго недостатка еще далеко не упорядочитъ вполнѣ нашего обновленнаго государственнаго строя. Важнѣйшимъ послѣ выясненія значенія Государственной Думы является вопросъ о ея составѣ.

Чѣмъ серьезнѣе предполагаемая государственная реформа, чѣмъ больше она перестраиваетъ народную жизнь и измѣняетъ отношенія между правящими и управляемымъ населеніемъ, тѣмъ съ бóльшею обдуманностью и осторожностью слѣдуетъ приступать къ ней. Можно-ли утверждать, что это безспорно необходимое условіе было соблюдено при реформѣ, осуществившейся въ учрежденіи Государственной Думы настоящаго образца? Если мы обратимся мысленно ко времени предшествовавшему ея появленію, то увидимъ, что государственная мысль дошла до этого конечнаго рѣшенія, галлопируя невѣроятными скачками. Когда подъ вліяніемъ кучки земцевъ и интеллигенціи, присвоившихъ себѣ значеніе общественнаго мнѣнія, и клики либеральныхъ и наиболѣе честолюбивыхъ сановниковъ былъ изданъ Высочайшій рескриптъ 18 февраля 1905 г. тогда, какъ свидѣтельствуетъ самое содержа-

ніе этого документа, не было и мысли ни о народномъ представительствѣ, ни о какомъ бы то ни было отдѣльномъ учрежденіи конституціоннаго образца. Рескриптомъ призывались „достойнѣйшіе, довѣріемъ народа облеченные, избранные *отъ* населенія“, „для участія въ предварительной разработкѣ законодательныхъ предположеній“. Изъ этой сущности Рескрипта нѣтъ рѣшительно никакой возможности выжать предположеніе о созданіи особаго учрежденія для собранія народныхъ представителей. Мы подчеркнули весьма знаментальное слово „отъ“, которое попало въ рескриптъ конечно не случайно и не по недоглядкѣ, ибо очевидно, что онъ составленъ очень тщательно, съ большою обдуманностью каждаго выраженія. Такимъ образомъ выраженіе „избранные отъ населенія“, указывая *кто* будетъ избираться, не опредѣляетъ *кѣмъ* это будетъ производиться. Если бы рескриптомъ предоставлялось это право населенію, то оно опредѣлилось бы выраженіемъ: „избранные населеніемъ“. Отсюда очевидно, что рескриптъ ни въ малѣйшей степени не предрѣшалъ порядокъ избранія „достойнѣйшихъ“, а слѣдовательно и не предрѣшалъ степень ихъ значенія и объемъ ихъ полномочій. Точно также и цѣль избранія достойнѣйшихъ—„участіе въ предварительной разработкѣ...“—не могла наводить на предположеніе о созданіи новаго учрежденія, въ виду того, что законодательныя предположенія разработывались въ Министерствахъ, а потому логически слѣдовало придти къ заключенію, что „достойнѣйшіе“ будутъ участвовать въ Министерскихъ Комиссіяхъ или въ Подготовительныхъ Комиссіяхъ при Государственномъ Совѣтѣ, образуемыхъ согласно закону „для предварительнаго соображенія и разработки особо важныхъ и сложныхъ законопроектовъ“. (Учр. Гос. Сов. ст. ст. 49, 101, 104). Однако уже 6-го Августа рескриптъ осуществился учрежденіемъ Государственной Думы съ полномочіями, трудно совмѣстивыми съ „незыблемостію“ Самодержавія, а манифестъ 17 октября и послѣдующіе указы

широко раскрыли двери этого законодательнаго учрежденія всѣмъ слоямъ, наиболѣе враждебнымъ русской исторической государственности. Такую быструю эволюцію вначалѣ довольно скромныхъ реформаторскихъ начинаній можно объяснить только заблужденіемъ тогдашнихъ правительственныхъ руководителей, ошибочно, а можетъ быть и намѣренно принявшихъ шумъ, поднятый кучкой сбитыхъ съ толка общественныхъ дѣятелей, подъ вліяніемъ разгоравшейся крамолы, за народныя требованія, которыя и полагалось удовлетворить, уступая на дѣлѣ тѣмъ, кто стремился сознательно, какъ инородцы и политическіе честолюбцы, и безсознательно, какъ земцы, столичные городскіе дѣятели и др. интеллигентные слои, къ разрушенію государства. Наконецъ нынѣ, или вѣрнѣе, съ открытія 3-ей Государственной Думы въ ноябрѣ 1907 г., т. е. черезъ $2^1/_2$ года отъ обнародованія рескрипта 18 февраля уже само Правительство, устами главы кабинета, признаетъ настоящій Государственный строй „представительнымъ" и не протестуетъ, когда онъ Думскими ораторами партіи 17 октября, считающейся правительственной, опредѣляется конституціоннымъ. Вотъ съ какою головокружительною быстротою мы перешли отъ „неограниченнаго Самодержавія" къ строю конституціонному и всеконечно „демократическому", ибо только таковой признается панацеей отъ всѣхъ государственныхъ золъ всѣми безъ исключенія политическими партіями, съ одного края до другого.

Обозначаетъ ли однако эта необыкновенная поспѣшность, не имѣющая другого такого примѣра въ исторіи человѣчества, не считая водворенія конституціи въ Персіи и Турціи и республики въ Португаліи, что Россія была совершенно готова къ воспріятію новаго Государственнаго строя, столь отличнаго отъ стараго, создавшагося вѣками ея историческаго существованія? Едва ли на этотъ вопросъ можно отвѣчать утвердительно. Хотя попытки къ нарушенію Самодержавія начались еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія, а

въ слѣдующемъ, XIX-мъ, „конституція“ неоднократно изготовлялась въ правящихъ сферахъ и вотъ-вотъ готовилась къ оглашенію, однако достовѣрно и несомнѣнно, что народъ и его потребности были тутъ рѣшительно не при чемъ. Всѣ эти попытки были стремленіемъ честолюбцевъ изъ общества и преимущественно изъ окружавшихъ тронъ перемѣстить въ свои руки по возможности бо́льшую если не всю верховную власть. Но народъ русскій всею своею исторію доказалъ полное отсутствіе въ немъ стремленія къ вмѣшательству въ управленіе государствомъ, устраняясь отъ него во всѣ тѣ историческіе моменты, когда это было казалось бы наиболѣе возможно. Начиная съ легенды о призваніи Варяговъ на зарѣ его исторіи и кончая XVIII вѣкомъ, полнымъ дворцовыхъ революцій, съ воцаренія совершенно безправной Екатерины I-й и кончая подлымъ убійствомъ императора Павла, къ которымъ народъ остался совершенно безучастнымъ и равнодушнымъ, опредѣлилось ясно его государственное міровоззрѣніе, которое можно выразить такъ: нельзя въ одно и тоже время управлять и быть управляемымъ, быть властью и подчиненнымъ.

Но готовъ ли былъ верхній слой народа—образованное общество, интеллигенція—къ участію въ управленіи государствомъ? Если считать, что эта готовность должна выражаться въ знаніи народныхъ нуждъ, въ ясномъ пониманіи того, какими способами онѣ могутъ быть удовлетворены, въ любви къ своей родинѣ, въ стремленіи къ ея славѣ и возвеличенію, къ охраненію и развитію русскихъ государственныхъ началъ, то можно безъ колебаній опредѣлить, что нѣтъ, общество не было готово къ руководству судьбами государства. Дѣйствующая нынѣ фикція народнаго представительства обнаруживаетъ свою неспособность къ благоустроенію русскаго государства на каждомъ шагу. Воспитанное въ идеяхъ космополитизма, прошпигованное ложнымъ сантиментализмомъ и сочувствіемъ къ яко-бы угнетаемымъ инородцамъ и иновѣрцамъ, есте-

ственно враждебнымъ русской государственности, наше общество, и вышедшее изъ него представительство, за немногими исключеніями сохранившихъ въ себѣ русскія чувства и здравый смыслъ, все предалось, съ момента ослабленія власти, настойчивому преслѣдованію цѣлей враждебныхъ и пагубныхъ для русскаго народа. Раздраженныя злоупотребленіями, дѣйствительно достигшими невѣроятныхъ размѣровъ, общественныя силы вмѣсто того, чтобы обратиться на борьбу съ ними, обрушились яростно на тѣ русскіе историческіе устои, пренебреженіе къ которымъ и было причиною развитія всякаго беззаконія, и стало безпощадно и безсмысленно добивать ихъ при содѣйствіи оторопѣлаго и растеряннаго правительства.

Въ моментъ преобразованія государственнаго строя вся вліятельная и руководящая часть общества и вся печать почти безъ исключенія были пропитаны тѣмъ специфически русскимъ либерализмомъ, который относится отрицательно ко всѣмъ русскимъ началамъ и русскимъ государственнымъ интересамъ, отвергаетъ всякую мысль о патріотизмѣ и все свое сочувствіе отдаетъ интересамъ инородческимъ. Незначительная же часть общества, сохранившая любовь къ родинѣ и ясное пониманіе ея государственной самобытности, необходимой принадлежности всякаго великаго народа, была совершенно не организована, не имѣла почти никакого участія и вліянія ни въ общественныхъ дѣлахъ, ни на общественное настроеніе, и потому голосъ ея потерялся въ бурѣ, разразившейся послѣ объявленія кн. Святополкъ Мирскимъ „довѣрія". Правда, что патріотизмъ и здравый смыслъ одержалъ даже въ то время всеобщаго либеральнаго бѣснованія значительную побѣду, выразившуюся въ принятіи Московскимъ Дворянствомъ, въ очередномъ Январскомъ Собраніи 1905 г. такъ называемаго Самаринскаго адреса, но къ сожалѣнію эта побѣда осталась безплодною какъ по неподготовленности къ политическимъ выступленіямъ побѣдившей группы и отсутствію энер-

гическаго руководительства, такъ и потому, что большинство тогдашнихъ губернскихъ предводителей подъ вліяніемъ Московскаго, кн. П. Н. Трубецкаго, склонилось на сторону такъ названнаго „освободительнаго движенія“ и, дѣйствуя самовольно именемъ своихъ дворянствъ, ввело въ заблужденіе Верховную Власть относительно истиннаго положенія государства.

Такимъ образомъ единственный хотя и сильный протестъ противъ безвременно разрушительныхъ домогательствъ былъ заглушенъ цѣлымъ рядомъ воздѣйствій на Власть, начиная съ фальшивыхъ депутацій, яко бы отъ земли и городовъ, озабоченныхъ всего болѣе дарованіемъ всѣхъ правъ и преимуществъ „всѣмъ чуждымъ намъ по вѣрѣ и крови“, съ записокъ Предводителей Дворянства, представлявшихъ въ ложномъ свѣтѣ положеніе страны, съ обмановъ и предательства бюрократовъ высшаго ранга и кончая искуственно организованными военными и рабочими бунтами, аграрными погромами и колоссальными забастовками. И все это объяснялось недовольствомъ *народа*, существующимъ Государственнымъ т. е. Самодержавнымъ строемъ и требованіемъ его реформированія конечно въ направленіи, желательномъ честолюбивымъ коноводамъ движенія. Немудрено по этому, что когда оглушенная Власть сдалась въ ложномъ убѣжденіи, что она уступаетъ народнымъ желаніямъ, то Государственная Дума, въ учрежденіи которой осуществилась либеральная реформа государственнаго законодательства, попала первоначально цѣликомъ въ руки сознательныхъ и настроенныхъ враговъ Россіи, совершенно непримиримыхъ, а въ послѣдующихъ составахъ хотя и разбавилась правою, русскою группою, но въ общемъ, въ большинствѣ своемъ и теперь ведущую борьбу за власть и при томъ не въ народныхъ, а въ чисто партійныхъ интересахъ. Это вредное направленіе къ сожалѣнію до сихъ поръ не встрѣтило должнаго противодѣйствія со стороны правительства, пребывающаго въ ложномъ убѣжденіи необходимости имѣть ему опору

въ Думскомъ большинствѣ, для проведенія своихъ законопроектовъ, и потому избѣгающему всякихъ столкновеній съ Думою вообще и многочисленнѣйшей ея партіей—октябристами,—въ особенности. Но эта ложная политика только унижаетъ правительство въ глазахъ населенія и усугубляетъ настойчивость взявшей засилье партіи въ погонѣ за присвоеніемъ Думѣ или вѣрнѣе партійнымъ коноводамъ бо́льшей власти, чѣмъ она имѣетъ по Основнымъ законамъ 26 апрѣля 1906 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полезная работоспособность новаго учрежденія оказалась если не ниже всякой критики, то во всякомъ случаѣ далеко ниже потребности, которой призвана была удовлетворять. Лѣнь и небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ находили себѣ поощреніе въ полнѣйшей безотвѣтственности „достойнѣйшихъ“, предоставленной имъ закономъ, какъ передъ правительствомъ, такъ и своими разсыпавшимися безслѣдно и несобираемо избирателями. Интересъ къ посѣщенію Думскихъ засѣданій проявляется только въ дни внесенія и обсужденія скандальныхъ запросовъ, которыми предполагается осрамить кого либо изъ администраторовъ особо несимпатичныхъ центру и лѣвому флангу, въ остальныя же дѣловые засѣданія едва набирается предѣльный „кворумъ“. А между тѣмъ пятый годъ государственное хозяйство ведется безъ утвержденнаго своевременно бюджета, чѣмъ вводится въ милліонные убытки и въ экономическій хаосъ.

Дальнѣйшее продолженіе такого состоянія дѣлъ высшаго управленія государствомъ не можетъ быть терпимо подъ угрозою окончательнаго развала, подрыва послѣднихъ признаковъ авторитета власти и уваженія къ ней въ населеніи и воцаренія анархіи или междоусобицы.

IV.

Но что же дѣлать? Можно ли исправить сдѣланныя ошибки или мы зашли уже въ такой тупикъ, выходъ

изъ котораго возможенъ только въ бездну государственнаго разложенія по программѣ соціалъ-революціонныхъ больше- или меньшевиковъ и центробѣжныхъ стремленій многочисленныхъ инородцевъ, нами вскормленныхъ, раздобрѣвшихъ на нашихъ хлѣбахъ, а теперь стремящихся къ отторженію земель обильно политыхъ русскою кровію?

Казалось бы, что какъ ни трудно настоящее положеніе, но неисправимымъ его назвать нельзя. И первымъ, совершенно для того необходимымъ условіемъ слѣдуетъ признать отрѣшеніе правительства отъ того курса, котораго оно держится въ угоду модной тенденціи, преобладающей въ общественныхъ сферахъ, ложно именуемаго „либеральнымъ", въ томъ смыслѣ, какъ объяснено выше, и усвоеніе единственно полезнаго для государства курса—*русскаго*, совершенно не зависимо отъ того, будетъ ли таковой либераленъ или консервативенъ. А принять этотъ курсъ значитъ положить въ основу русскаго государственнаго развитія во всей его полнотѣ девизъ Православія, Самодержавія и русской народности.

Государственный человѣкъ, твердо и искренно исповѣдующій эти три русскія основы и достаточно смѣлый, чтобы не бояться обвиненій въ отсталости, консерватизмѣ (постыдномъ исключительно въ Россіи), реакціонерствѣ и т. п. страшныхъ для слабодушныхъ и несамостоятельныхъ умовъ словъ, найдетъ и формы практическаго осуществленія государственнаго устройства, въ которомъ русскіе самобытные начала и верховныя права русскаго народа-хозяина будутъ вполнѣ совмѣстимы съ прогрессомъ и всяческимъ процвѣтаніемъ государства и благомъ подчиненныхъ ему народностей.

Неоспоримо, что къ эпохѣ японской войны всевозможныя злоупотребленія правящей бюрократіи, поощряемыя безнаказанностью довели государственное разстройство до высшей степени и требовали немедленнаго обузданія, въ чемъ всѣ были согласны. Но,

вотъ вопросъ: возможно ли было искоренить разлившееся зло безъ коренной ломки государственнаго строя или же таковая была неизбѣжна? Давала ли гарантію благоустройства существовавшая система государственныхъ учрежденій или же онѣ по самому существу своему не могли ограждать государство отъ законопреступности исполнительныхъ властей? Если взглянуть на дѣло безпристрастно и обсудить его безъ предвзятаго рѣшенія, то на вопросы эти едва ли можно отвѣтить отрицательно.

Такъ именуемый „старый режимъ“ обладалъ въ достаточной мѣрѣ учрежденіями, гарантировавшими Верховную Власть отъ неправильныхъ рѣшеній и надзиравшими за соблюденіемъ законности всѣми агентами Правительства. Роль перваго долженъ былъ исполнять Государственный Совѣтъ, второго—Сенатъ. Если значеніе этихъ учрежденій сведено было мало по малу на нѣтъ, то въ этомъ виновны не они, не ложность основной идеи въ нихъ осуществившейся, а тѣ, кто исказилъ эти институты въ личныхъ своекорыстныхъ и эгоистическихъ цѣляхъ. Если бы строго исполнялся законъ, по которому проектъ всякаго мѣропріятія долженъ пройти чрезъ Государственный Совѣтъ и только всесторонне тамъ обсужденный и обработанный преподносился бы на воззрѣніе Верховной Власти, если бы Сенатъ неукоснительно слѣдилъ за исполненіемъ законовъ и привлекалъ къ отвѣтственности всякаго нарушителя, какъ бы высоко онъ не стоялъ на ступеняхъ бюрократической лѣстницы, и если бы нарушители законовъ несли заслуженное наказаніе, то и вся административная машина дѣйствовала бы правильно и не было бы мѣста произволу, беззаконію, казнокрадству и другимъ наиболѣе распространеннымъ порокамъ чиновничества всѣхъ степеней и ранговъ.

Не учрежденія были плохи, а люди ихъ наполнявшіе и воцарившаяся повсюду безнаказанность.

Но говорить о возвратѣ къ „старому режиму“, который совершенно неправильно смѣшивается съ ста-

рымъ беззаконіемъ и бюрократическою порочностью, теперь считается всѣми, или безъ малаго всѣми непростительною политической ересью, и виновный въ ней будетъ по крайней мѣрѣ сочтенъ за сумашедшаго или архичерносотенца. Убѣдить теперь кого бы то ни было въ возможности благополучнаго существованія государства исключительно возстановленіемъ истиннаго значенія высшихъ государственныхъ учрежденій и строгой личной отвѣтственности администраторовъ, безъ Государственной Думы,— рѣшительно невозможно, и слѣдовательно отъ этой мысли, какъ практически не осуществимой, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи всѣхъ вліятельныхъ умовъ, слѣдуетъ окончательно отказаться.

И такъ, исходной точкой нашего государственнаго построенія является Государственная Дума—собраніе „достойнѣйшихъ", нынѣ уже оффиціально признанныхъ народными представителями. Не случайная, а органическая неудовлетворительность этого новаго государственнаго учрежденія очевидна и не требуетъ доказательствъ. Попытаемся опредѣлить какими качествами должна обладать Дума, чтобы ея дѣятельность была полезна для Русскаго государства и для русскаго народа?

Первый вопросъ, который представляется при разрѣшеніи этой задачи заключается въ томъ: совмѣстимо ли Самодержавіе, „какимъ оно было встарь" съ „народнымъ представительствомъ?" Если считать Земскіе соборы, собиравшіеся Московскими Царями до Петровскаго времени, народнымъ представительствомъ, то, конечно, въ этой формѣ слѣдуетъ его признать совмѣстимымъ съ исторически установившеюся русскою Государственною Верховною Властію. Но то, что разумѣется нынѣ подъ терминомъ народнаго представительства, господствующимъ и въ общественномъ понятіи, и въ правящихъ сферахъ, и что выразилось въ учрежденіи Государственной Думы со всѣми ея аттрибутами, неимѣетъ рѣшительно ни

чего общаго съ тѣмъ, что осуществлялось въ Земскихъ Соборахъ.

Земскіе Соборы призывались для обсужденія опредѣленнаго государственнаго вопроса, предлагаемаго имъ Верховной Властію, ни собственной иниціативы въ возбужденіи вопросовъ, ни срочности, ни правъ какихъ либо неимѣли и, окончивъ предложенное обсужденіе, распускались на неопредѣленное время, впредь до новой надобности опредѣляемой царскою волею. Такое народное представительство безъ сомнѣнія совмѣстимо съ представленіемъ о Самодержавіи какъ о правленіи монархическомъ неограниченномъ, ибо представляло собою народный совѣтъ царя въ случаяхъ необычайной государственной важности. Населеніе, зная напередъ какой предметъ будетъ предложенъ на обсужденіе Собора, имѣло полную возможность избрать для участія въ немъ наиболѣе освѣдомленныхъ людей, что гарантировало серьезность и правильность сужденій Собора. Рескриптъ 18 февраля 1905 г. очевидно и имѣлъ въ виду возстановить бывшее единеніе Царя съ народомъ посредствомъ Соборовъ въ формѣ созыва „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей, для участія въ предварительномъ обсужденіи законодательныхъ предположеній“. Такой способъ привлеченія населенія къ участію въ государственныхъ дѣлахъ могъ быть легко осуществимъ въ соборной формѣ, примѣнительно къ современнымъ условіямъ общественной жизни безъ нарушенія основного русскаго государственнаго правительственнаго идеала. Между тѣмъ нынѣ дѣйствующій государственный строй, признаваемый Основными законами Самодержавнымъ, а Верховною Властью подтверждаемый, что онъ не потерпѣлъ никакихъ измѣненій въ своемъ старинномъ значеніи, получилъ въ придатокъ, по закону 17 октября 1905 и послѣдующихъ, учрежденіе, построенное на чисто конституціонныхъ началахъ, въ дѣйствительности коренными образомъ нарушающихъ смыслъ и значеніе самодержавія.

Но, кромѣ того, Государственная Дума при нынѣ дѣйствующемъ выборномъ законѣ, заключая въ себѣ большой процентъ инородцевъ, еще большій людей, безусловно враждебныхъ существующему и вообще всякому строю, который былъ бы способенъ водворить въ государствѣ порядокъ и укрѣпить его силу, съ присоединеніемъ интригановъ, стремящихся исключительно къ захвату власти и приспособливающихъ свою Думскую тактику исключительно для достиженія этой цѣли,—является учрежденіемъ, не помогающимъ, но враждебнымъ власти и представляющему ее правительству, съ которымъ находится въ постоянной явной или скрытой борьбѣ, стараясь использовать каждый промахъ, каждую недоглядку или слабость своихъ правительственныхъ антагонистовъ. Роспускомъ и сборомъ новыхъ составовъ „достойнѣйшихъ" никакого улучшенія достигнуть невозможно. Недостатки учрежденія Думы, повторяемъ, не случайные а органическіе и могутъ быть исправлены только коренною переработкою закона объ учреждeніи „народнаго представительства" въ соотвѣтствіи съ основной русской государственной идеей — Самодержавіемъ и преимущественными правами русской народности, создавшей русское государство.

V.

Главнѣйшій порокъ настоящаго положенія о Государственной Думѣ заключается въ томъ, что въ основѣ его положена мысль о равенствѣ правъ всѣхъ народностей, населяющихъ Имперію. Отъ такой Думы невозможно ожидать, чтобы она могла быть „русскою по духу", что бы она преслѣдовала интересы русскіе, русскаго государства. Правда въ настоящее время весьма распространенъ въ „интеллигенціи„ взглядъ на Россію какъ на конгломератъ многихъ народностей, между которыми русская составляетъ хотя и крупную

но равноправную съ другими народностями часть, что лица, отстаивающія принципъ преимущественныхъ правъ русской народности, провозглашающія лозунгъ „Россія для русскихъ“, стремятся къ разчлененію государства и низведенію его до размѣровъ московскаго великокняжества, но съ такимъ сужденіемъ едва ли можно согласиться. Великое государство не можетъ существовать безъ господствующей народности, интересы которой должны преобладать предъ интересами другихъ народностей, подчиненныхъ государству жребіемъ войны или другими историческими судьбами. Первая, основная задача правительства заключается въ томъ, что бы его мѣропріятія находились въ полномъ согласіи съ интересами господствующей народности и ихъ удовлетворяли. Такъ поступаютъ всѣ правительства, правильно понимающія свои обязанности. Возьмите въ примѣръ Германію, которой правительство не останавливается передъ самыми суровыми мѣрами для подавленія явленій враждебныхъ нѣмецкому населенію; Англію, насквозь пропитанную національнымъ эгоизмомъ; даже Австрія, несмотря на пестроту ея населенія и численному превосходству ненѣмецкихъ племенъ, всѣми мѣрами поддерживаетъ интересы нѣмецкой народности, считающейся господствующей; а о Венгріи и говорить нечего: тамъ идетъ прямо террористическая мадьяризація, какая не можетъ идти ни въ какую паралель съ нашими слабыми, нерѣшительными, вѣчно колеблющимися попытками проведенія русскихъ интересовъ среди того или другаго инородческаго племени. Въ государствахъ всего міра племя созидавшее государство считается его хозяиномъ, всесторонніе интересы его составляютъ основную заботу государственнаго правленія, въ чемъ и выражается его господствующее положеніе.

Почему же должно быть иначе въ Россіи? Русское государство созидалось исключительно русскимъ народомъ, его трудомъ, лишеніями и кровію. Поэтому русскій народъ имѣетъ неоспоримое преобладающее

право на удовлетвореніе его потребностей, хотя бы онѣ были въ противорѣчіи съ интересами другихъ народностей вошедшихъ въ государство. Въ этомъ, несмотря на безчисленныя ошибки нашихъ правителей, учиненныя въ теченіи двухъ послѣднихъ вѣковъ, никто не сомнѣвался до второй половины прошедшаго столѣтія, когда инородческія интриги съ одной стороны и зараженіе космополитическимъ ядомъ всѣхъ руководящихъ общественныхъ сферъ и устраненіе патріотическаго воспитанія съ другой, совершенно омертвили во вліятельныхъ слояхъ сознаніе ихъ обязанностей имѣть впереди всего удовлетвореніе нуждъ, интересовъ и достоинства русскаго народа, а не сепаратныя стремленія окраинныхъ инородцевъ. Идея равенства всѣхъ народностей въ государствѣ явно фальшивая и основывать на ней государственное благоустройство есть величайшее заблужденіе. Въ виду противуположности, совершенно несогласимой, интересовъ инородческихъ съ интересами господствующей народности, правительство, задавшееся цѣлью равно удовлетворить всѣхъ, непремѣнно попадаетъ въ безвыходное положеніе и возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе въ однихъ, раздраженіе неудовлетворенности въ другихъ и наконецъ ненависть во всѣхъ.

И такъ, задачей государственнаго правленія должно служить прежде и выше всего всестороннее удовлетвореніе нуждъ и правъ народа-хозяина, создавшаго государство, въ его идеалахъ духовныхъ, государственныхъ и бытовыхъ, въ опредѣленіи которыхъ не можетъ быть предоставлено участіе инородцамъ, не слившимся съ кореннымъ населеніемъ до полнаго единства жизненныхъ интересовъ.

Государственный идеалъ русскаго народа выразился въ правленіи Самодержавномъ неограниченномъ, почему, какимъ бы преобразованіямъ русскій государственный строй не подвергался, въ основѣ его должна оставаться эта исторически выработанная и можно сказать выстраданная рускимъ народомъ государствен-

ная идея. При сохраненіи же Самодержавія не могутъ существовать никакія *законодательныя* учрежденія. Издавать законы можетъ только Верховная Власть монарха. Тѣ же учрежденія, которыя призваны въ помощь ей въ государственномъ строительствѣ обязаны только вырабатывать законы и не могутъ поэтому именоваться „законодательными". Это первая, коренная ошибка въ наименованіи учрежденій призванныхъ только вырабатывать законы, но не законодательствовать, и создаетъ неразрѣшимую путаницу и ведетъ къ постояннымъ столкновеніямъ между одновременно существующими и утвержденными основными законами властными началами двухъ непримиримо противуположныхъ природъ: самодержавнымъ и конституціоннымъ. Чтобы устранить эти крайне вредящія ходу государственной жизни, но неизбѣжныя столкновенія, слѣдуетъ возстановить не на словахъ только, но и въ дѣйствительности право рѣшающаго законодательнаго голоса за историческимъ Самодержавіемъ; всѣ остальныя пособныя ему учрежденія—Государственная Дума и Совѣтъ должны имѣть смыслъ только совѣщательный, при чемъ Верховная Власть должна возстановить свое право знать всѣ состоявшіеся мнѣнія, а не только большинства, и выбирать между ними то, которое по убѣжденію Ея совѣсти наиболѣе соотвѣтствуетъ пользѣ народа и государства. Въ противномъ же случаѣ лучше вовсе исключить изъ Основныхъ Законовъ терминъ „Самодержавія", который, лишенный существеннаго своего значенія, вводитъ только въ соблазнъ и возбуждаетъ непримиримый антагонизмъ между политическими разномысліями.

У Русскаго Самодержавнаго Царя и Его правительства помощниками, совѣтчиками и освѣдомителями могутъ быть только русскіе достойнѣйшіе люди, избранные русскимъ народомъ — строителемъ государства, поэтому русская законосоставительная коллегія, какъ бы она ни называлась, должна состоять исключительно изъ русскихъ людей, избранниковъ русскихъ

общественныхъ свѣтскихъ и духовныхъ учрежденій. Кромѣ общихъ условій происхожденія, возраста, неопороченности и т. п. избранники должны удовлетворять еще нижеслѣдующимъ: не занимать никакой платной должности ни общественной, ни казенной, ни частной; не принадлежать къ сообществу не разрѣшенному законнымъ порядкомъ; не быть учредителемъ или соискателемъ концессій на какое бы то ни было предпріятіе промышленнаго характера, ищущимъ или пользующимся содѣйствіемъ изъ государственныхъ средствъ. Избранники въ такое учрежденіе, которое нынѣ называется Государственной Думой ни въ какомъ случаѣ не должны получать содержанія ни денежнаго, ни въ какомъ другомъ видѣ натурой или льготами отъ казны. Это необходимо, чтобы сдѣлать ихъ совершенно независимыми отъ правительственной администраціи и чтобы они не превратились въ лишній бюрократическій аппаратъ, что неизбѣжно при ихъ матерьяльной зависимости отъ казны и возможности для исполнительной власти пріобрѣтать расположеніе законовырабатывающаго собранія щедрыми прибавками, какъ это уже и случилось, когда 3-я Дума въ самомъ началѣ своего существованія, по благосклонному предложенію правительства вотировала себѣ значительную прибавку къ первоначально назначенному весьма щедро содержанію. Выборные люди должны получать содержаніе свое отъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя ихъ избрали и передъ которыми они должны быть отвѣтственны въ оказанномъ имъ высокомъ довѣріи.

Наиболѣе вредная сторона неизбѣжно почти проявляющаяся въ выборныхъ собраніяхъ заключается въ превращеніи народныхъ избранниковъ въ профессіональныхъ политикановъ, своими интригами забирающихъ руководство въ направленіи дѣятельности собраній, слабовольное большинство которыхъ подчиняется болѣе энергичнымъ и пронырливымъ своимъ сочленамъ, преслѣдующимъ свои личныя, эгоистическія цѣли.

Образованію такихъ политикановъ весьма способствуютъ продолжительность срока, на который избираются члены законосоставительнаго собранія и продолжительность сессій послѣдняго. Эти два обстоятельства, отрывая выбранныхъ отъ ихъ обычныхъ занятій и ихъ жизненной среды на продолжительное время, ослабляютъ связь между ними и втягиваютъ въ водоворотъ политическихъ интригъ, борьбы личныхъ честолюбій, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣйствительнымъ интересамъ государства. Во избѣжаніе этого желательно было бы возможно большее сокращеніе какъ срока выборнаго полномочія, такъ и совѣщательныхъ созывовъ.

VI.

Въ обязанности собранія „достойнѣйшихъ“ или „народныхъ представителей“ входитъ обсужденіе всѣхъ безконечно многочисленныхъ и разнообразныхъ потребностей государства. Для правильнаго рѣшенія ихъ требуются или спеціальныя познанія или же, за невозможностью быть каждому представителю знатокомъ всѣхъ предлагаемыхъ на его сужденіе вопросовъ, такое высокое умственное развитіе, которое давало бы ему возможность разобраться сознательно и въ предметахъ не входящихъ въ кругъ его знаній.

Разрѣшеніе задачи осуществленія народнаго представительства, что бы оно дѣйствительно было таковымъ, а не его обманчивымъ подобіемъ, крайне затруднительное вообще и нигдѣ еще удовлетворительно не разрѣшенное, еще болѣе усложняется при совмѣщеніи его съ Самодержавіемъ, которое, если не оставляется только въ видѣ внѣшней декораціи, а составляетъ основу государственнаго строя, не можетъ быть ограниченнымъ, какою бы ни было другою волею, не исходящею отъ Верховной Власти. При самодержавіи организація государственныхъ учрежденій должна быть,

слѣдовательно, такова, что бы ни въ какой степени не связывала свободную волю и выборъ рѣшенія главы государства. Безъ этого условія Самодержавіе превращается въ пустой звукъ, только волнующій и смущающій рѣшительно всѣхъ, какъ своихъ сторонниковъ такъ и противниковъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ Самодержавномъ государствѣ всѣ органы содѣйствующіе Верховной Власти въ управленіи онымъ могутъ высказывать только мнѣнія, намѣчать рѣшенія, что и составляло обязанность Государственнаго Совѣта стараго состава, но выборъ одного изъ высказанныхъ мнѣній и возведеніе его въ законъ должно принадлежать только Самодержцу. Между тѣмъ Основные Законы, изданные вновь въ послѣдствіе манифеста 17 октября 1905 года, именуя устанавливаемый ими Государственный строй Самодержавнымъ, лишаютъ Самодержавіе самыхъ существенныхъ его аттрибутовъ: знанія всѣхъ состоявшихся въ законодательныхъ учрежденіяхъ мнѣній и свободнаго выбора, окончательнаго рѣшенія. Это вноситъ неразрѣшимую путаницу въ понятіяхъ о существующемъ въ Россіи государственномъ строѣ и порождаетъ непримиримые разнотолкованія, возбуждая лютую вражду между разномыслящими, ибо всѣ имѣютъ опору своихъ мнѣній въ странной какъ будто намѣренно неясной и неопредѣлительной редакціи Основныхъ Законовъ.

Самодержавіе можетъ быть только неограниченнымъ или совсѣмъ не быть. Ограниченное или конституціонное Самодержавіе есть такая же безсмыслица какъ напр. мокрый огонь, сухая вода и т. п. Приступая къ упорядоченію государственнаго строя, а избѣгнуть этого, и притомъ не въ подробностяхъ а коренным образомъ, будетъ невозможно, слѣдуетъ прежде всего исправить Основные Законы, съ точностью опредѣливъ образъ правленія. Такъ какъ Государь уже позднѣе 17 октября 1905 г. неоднократно высказывалъ, что Самодержавіе Его осталось какимъ было встарь и дѣйствительно проявлялъ неограничен-

ную Самодержавную волю свою, какъ напр. въ актѣ 3 іюня 1907 г. и въ дѣлѣ о штатахъ Морскаго Генеральнаго Штаба, то въ Основныхъ Законахъ должно быть ясно и несомнительно выражено, что Россія управляется *неограниченнымъ* Самодержцемъ (какъ встарь) и въ соотвѣтствіи съ симъ должны быть переработаны статьи опредѣляющія отношенія къ Верховной Власти разрабатывающихъ законы учрежденій.

Если въ Россіи существуетъ правленіе Самодержавное, то возникаетъ непосредственно слѣдующій за симъ вопросъ: необходимы ли при этомъ три степени, или даже четыре, законо вырабатывающихъ учрежденій, а именно: Министерства, Совѣтъ Министровъ, Государственная Дума и Совѣтъ?

Казалось бы, что такое обиліе законосоставительныхъ инстанцій пораждаетъ страшную громоздкость и малую производительность высшихъ государственныхъ учрежденій, запутывая каждое дѣло въ паутинѣ безчисленныхъ разномнѣній, требующихъ массу лишняго времени для своего выраженія, но вызываемыхъ часто интересами, ничего общаго съ государственной пользой неимѣющими. Каждый законопроектъ естественно долженъ зарождаться въ Министерствахъ какъ высшей административной инстанціи, долженствующей знать всѣ государственныя нужды по своей отрасли управленія. Нельзя возразить и противъ прохожденія законопроекта отдѣльнаго Министерства чрезъ Совѣтъ Министровъ въ цѣляхъ гармоническаго согласованія его съ общимъ направленіемъ государственной дѣятельности, но одна изъ двухъ слѣдующихъ инстанцій Дума и Совѣтъ представляется совершенно излишнею.

Если бы еще Госуд. Совѣтъ оставался въ прежнемъ своемъ составѣ изъ назначаемыхъ туда Верховною Властію служилыхъ людей, то для участія въ дѣлахъ Государства и большей освѣдомленности о нуждахъ народа могло потребоваться отдѣльное учрежденіе изъ „представителей“ населенія“, Но вѣдь эти представители народныхъ интересовъ участвуютъ въ оби-

ліи реформированномъ Государственномъ Совѣтѣ и если они находятся тамъ въ сочетаніи съ опытными Государственными дѣятелями по назначенію, то это ни мало не отнимаетъ у нихъ ни возможности защищать народные интересы, ни выражать свои взгляды на обсуждаемые вопросы, ни наблюдать за законностью дѣйствій исполнительныхъ органовъ, ни возбуждать новыя законоположенія въ развитіе и совершенствованіе существующаго Государственнаго благоустройства. Въ виду того, что Государственный Совѣтъ безусловно необходимъ какъ серьезный регуляторъ и направитель всей государственной жизни, излишнимъ органомъ можетъ считаться только Государственная Дума. Это доказывается и тѣмъ, что въ довольно уже продолжительное время своего существованія и три разнохарактерныя смѣны она не внесла ни малѣйшей живой, плодотворной струи въ государственную жизнь. Не говоря уже о ея несомнѣнномъ отсутствіи работоспособности, о крайнемъ небреженіи ея членовъ своими прямыми и дорого оплачиваемыми обязанностями, всѣ дебаты ихъ проникнуты страстностью, затемняющею здравый спокойный взглядъ на обсуждаемый предметъ, и имѣютъ въ предметѣ интересы партійные, но не государственные.

Партійность есть враднѣйшая язва всякаго представительнаго учрежденія. Правительство же вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ возможному ослабленію этого неизбѣжнаго зла, сдѣлало, на оборотъ, все для его сильнѣйшаго развитія, озаботившись уединить въ Таврическомъ дворцѣ всѣ партіи въ особыя помѣщенія, при чемъ таковыя были предоставлены и такимъ, сторонники которыхъ внѣ состава Гос. Думы сажаются тѣмъ же правительствомъ въ тюрьмы и ссылаются въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Небрежность членовъ Думы въ исполненіи ихъ столь дорого оплачиваемыхъ обязанностей достигала до позорныхъ размѣровъ и совершенно опрокидывала главный принципъ, составляющій основаніе представительныхъ

собраній, именно принципъ справедливости большинства.

Если законодатель счелъ необходимымъ составить представительное собраніе изъ 450 избранниковъ, слѣдовательно предполагалось, что большинство, гарантирующее правильность рѣшенія должно состоять minimum изъ 226 лицъ Думскаго Собранія.

Но, можно быть почти увѣреннымъ, что ни одно серьезное дѣло, предложенное Г. Думѣ, не рѣшалось такимъ минимальнымъ большинствомъ, кромѣ развѣ выборовъ предсѣдателя и другихъ должностныхъ лицъ думскаго представительства.

Серьезнѣйшіе Государственные вопросы, отъ которыхъ зависило все будущее страны и народа рѣшались при едва едва натянутомъ „кворумѣ“. опредѣленномъ въ $^1/_3$ Думскаго состава. И развѣ 80—90 голосовъ высказывающихся за законопроектъ могутъ разумно считаться большинствомъ? Но, спрашивается, если для непогрѣшности рѣшенія достаточно 151 голосующихъ, то зачѣмъ же собирать ихъ втрое болѣе и расходовать на нихъ лишніе милліоны?

Во всякомъ случаѣ собрать нѣсколько сотъ людей, платить имъ огромное содержаніе и не предъявлять къ нимъ никакого обязательнаго требованія едва ли согласно съ требованіями здраваго смысла, въ какой бы области человѣческой дѣятельности ни проявлялось такое болѣе чѣмъ странное отношеніе. Упраздненіе по этому Государственной Думы, рѣшительно и ни въ какомъ отношеніи не оправдавшей надеждъ и разсчетовъ на нее возлагавшихся какъ законодателемъ такъ и общественнымъ мнѣніемъ, будетъ актомъ государственной мудрости, достойнымъ горячей признательности населенія. Если Государственный Совѣтъ недостаточно снабженъ „народными представителями“, если выборы въ него не отвѣчаютъ требованіямъ государственныхъ интересовъ, надо усилить его выборный составъ и реорганизовать выборы такъ, чтобы

въ него попадали лица, наиболѣе соотвѣтствующія своему высокому назначенію.

VII.

Но будетъ ли признано достаточнымъ имѣть одно законосоставительное учрежденіе смѣшаннаго состава или признается необходимымъ имѣть особую исключительно выборную инстанцію, какъ нынѣ Государственная Дума, во всякомъ случаѣ какъ система выборовъ, такъ и проссесуальность первой законосоставительной инстанціи и ея отношенія къ правящей власти должны быть кореннымъ образомъ измѣнены.

Высочайшая воля высказалась въ манифестѣ 3-го іюля 1907 г. совершенно правильно, что Государственная Дума должна быть русскою по духу и это безспорное положеніе должно быть руководящимъ при образованіи состава „достойнѣйшихъ". Другое необходимое для гарантіи правильности выборовъ условіе заключается въ томъ, чтобы они производились разумно и сознательно, а это достигается только тогда, когда собраніе избирателей знаетъ, кого избираетъ. При существующемъ нынѣ порядкѣ выборовъ избирательныя собранія даже и въ первой степени—при избраніи выборщиковъ более чѣмъ на половину не знаютъ и не могутъ знать другъ друга, встрѣчаясь въ первый разъ въ жизни и не имѣя никакихъ общихъ интересовъ, а ужъ съѣзды выборщиковъ представляютъ толпу, въ которой можно только случайно встрѣтить знакомое лицо, поэтому судьба выборовъ попадаетъ неминуемо въ руки стакнувшихся политическихъ интригановъ, проводящихъ намѣченное ими лицо, потому что раздробленная, неорганизованная толпа незнакомцевъ конечно не можетъ условиться на другомъ дѣйствительно достойномъ кандидатѣ. Предвыборныя же собранія въ уѣздахъ, по условіямъ провинціальной жизни являются совершенно неосуществимыми, а въ городахъ органи-

зуются тѣми же интриганами и честолюбцами, и служатъ для укрѣпленія ихъ вліянія на выборщиковъ.

Для того, что бы выборы достойнѣйшаго были сознательны, необходимо, что бы они производились отъ той или другой постоянной коллегіи, въ которой всѣ участвующіе были бы извѣстны другъ другу по ихъ дѣловой и нравственной цѣнности.

Въ 1905 году всѣ патріотическія группы предлагали установить выборы по сословіямъ, но эта идея была отвергнута правительствомъ подъ вліяніемъ „прогрессивныхъ“ элементовъ, а съ тѣхъ поръ и само оно пошло по пути не укрѣпленія, а разрушенія сословной обособленности и теперь выдвигать для выборовъ сословное начало едва ли умѣстно и осуществимо практически.

За исключеніемъ сословій остается лишъ одна коллегія, въ которой участники всѣ связаны общественными интересами и хорошо другъ другу извѣстны,— это уѣздныя земскія собранія. Мы не упоминаемъ городскихъ Думъ, потому что, часть Думскихъ гласныхъ входитъ въ число членовъ земскихъ собраній и потому будетъ участвовать и въ выборахъ въ законосоставительныя учрежденія.

Конечно, прежде всего желательно было бы произвести реформу земской организаціи въ соотвѣтствіи съ настоятельными запросами провинціальной жизни, а именно: освобожденіе ея отъ гнета безполезнаго учрежденія Губернскаго Земства и развитіе личнаго состава уѣздныхъ земскихъ собраній на началахъ, отвѣчающихъ размѣрамъ хозяйственныхъ правъ земледѣльческихъ групъ населенія. Реформированное такимъ образомъ Уѣздное Земское Собраніе и могло бы сознательно выбрать „достойнѣйшаго“ изъ своего состава непосредственно въ законосоставительное собраніе. Никакой второстепенности выборовъ допускать не слѣдуетъ во избѣжаніе торжества интригъ въ собраніи чуждыхъ другъ другу людей. Для того, чтобы въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ гласные успѣли хорошо

познакомиться и оцѣнить правильно другъ друга, слѣдуетъ выборы въ законосоставительное учрежденіе производить такъ, что бы они приходились на 2-й или 3-й годъ послѣ избранія гласныхъ. Избранные такимъ образомъ лучшіе люди отъ всѣхъ русскихъ уѣздовъ составятъ собраніе почти такой же численности какъ и нынѣ дѣйствующая Государственная Дума. Инородческія окраины не должны входить въ ея составъ: какъ въ домѣ имѣетъ право распоряжаться только хозяинъ, которому онъ принадлежитъ, такъ и въ дѣлахъ Государства приличествуетъ участвовать только народу его созидавшему. При этомъ однако слѣдуетъ прибавить, что на будущее время острожный цензъ не долженъ давать право быть въ числѣ народныхъ избранниковъ.

Можетъ встрѣтиться возраженіе, что при образованіи законосовѣщательнаго собранія исключительно изъ выборныхъ гласныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній будутъ устранены отъ избирательныхъ правъ многія группы населенія по профессіямъ своимъ наиболѣе интеллигентныя, какъ напр. адвокаты, профессора, врачи, издатели повременныхъ изданій и т. п. Въ этомъ возраженіи имѣется лишь незначительная доля правды. Поставивъ вопросъ: какая профессія даетъ наибольшее право на участіе въ государственномъ строительствѣ, можно съ увѣренностью дать только одинъ отвѣтъ: та, которая ведетъ къ наибольшему знакомству съ населеніемъ и къ наилучшему знанію его нуждъ, а такая профессія только одна — земское дѣло. Чѣмъ ближе человѣкъ къ землѣ, чѣмъ тѣснѣе связанъ онъ въ своей жизни и дѣятельности съ мѣстнымъ населеніемъ и условіями его существованія, тѣмъ пригоднѣе онъ какъ совѣтникъ и судья правительственныхъ мѣропріятій, клонящихся къ упорядоченію положенія страны.

Вотъ почему мы настаиваемъ на томъ, что наилучшимъ составомъ Государственной Думы будетъ собраніе избранниковъ отъ уѣздныхъ земскихъ собра-

ній. Это, съ другой стороны, не исключаетъ возможности быть народными избранниками и представителямъ всевозможныхъ либеральныхъ профессій, если они въ тоже время состоятъ гласными уѣздныхъ земскихъ собраній, но ни одно спеціальное знаніе само по себѣ не можетъ давать право быть представителемъ государственныхъ нуждъ по преимуществу.

VIII.

Главнѣйшую язву всякаго представительнаго собранія составляетъ, какъ уже сказано, партійность, эта удобнѣйшая почва для завладѣнія руководства большинствомъ ловкими интриганами, стремящимися къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей внѣ всякой заботы о Государственной пользѣ.

Партійность есть грубѣйшее насиліе надъ свободою выраженія личныхъ мнѣній отдѣльныхъ членовъ партіи, обязанныхъ голосовать не по убѣжденію своего ума и совѣсти, а по рѣшенію большинства „фракціоннаго“ собранія. А какимъ образомъ достигается во фракціяхъ рѣшеніе угодное лидеру партіи и его штабу можно видѣть напримѣръ изъ разсказа г. Гололобова, когда г. Гучковъ заставилъ своихъ октябристовъ голосовать за запросъ по поводу яко бы незаконномѣрныхъ дѣйствій Правительства, по закрытію или неразрѣшенію какой то рабочей организаціи, опираясь на то, что такъ рѣшено было на фракціонномъ собраніи, въ которомъ однако участвовало всего нѣсколько человѣкъ (кажется 12) изо всей октябристской партіи.

Не поощрять, не доставлять удобства для раздѣленія по партійнымъ перегородкамъ слѣдуетъ будущему реформатору неудавшагося обновленнаго строя, а напротивъ какъ можно болѣе затруднить возможность подавленія индивидуальнаго сужденія избранниковъ партійнымъ гнетомъ, именуемымъ дисциплиной. Ближайшимъ, такъ сказать, наружнымъ средствомъ для достиженія освобожденія личности можетъ служить

уничтоженіе отдѣльныхъ помѣщеній для партіонныхъ сговоровъ въ зданіи Думы или какъ иначе будетъ именоваться преобразованное на разумныхъ началахъ государственно-совѣщательное учрежденіе. А затѣмъ и самый способъ избранія достойнѣйшихъ изъ сочленовъ опредѣленной коллегіи, предъ которой они отвѣтственны и отъ которой зависимы, заставитъ ихъ въ своихъ сужденіяхъ руководствоваться тѣмъ, чтобы заслужить одобреніе избравшаго ихъ собранія, а не господина—такого то, добивающагося удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ.

Для ослабленія партійности весьма существенную роль сыгралъ бы не выборъ, а назначеніе предсѣдателя законосоставительнаго учрежденія Высочайшей Властію. Главная обязанность предсѣдателя заключается во первыхъ въ умѣломъ веденіи засѣданія и во вторыхъ въ соблюденіи полнѣйшаго безпристрастія къ выраженію мнѣній и поведенію всѣхъ членовъ Собранія. Выборному предсѣдателю, какъ бы ни были высоки его нравственныя качества, чрезвычайно трудно отрѣшиться отъ пристрастія къ наиболѣе соотвѣтствующимъ его убѣжденіямъ проявленіямъ, не говоря уже о чувствѣ зависимости отъ симпатій или антипатій большинства, которое можетъ свергнуть или возстановить предсѣдательствующаго на его креслѣ. Назначенный предсѣдатель, будучи совершенно независимъ отъ тѣхъ или иныхъ чувствъ къ нему собранія, можетъ съ бо́льшей свободой и безпристрастіемъ руководить ходомъ собранія, останавливать незаконныя выходки и всякое нарушеніе правильнаго хода засѣданія. Необходимость предсѣдательствующаго по назначенію оправдывается и опытомъ всѣхъ трехъ предшествующихъ Государственныхъ Думъ съ четырьмя выборными предсѣдателями, изъ которыхъ ни одинъ не оказался на должной высотѣ безпристрастія и уваженія къ законамъ.

Тотъ же опытъ доказалъ, что нельзя поручать Думѣ опредѣлять самой наказъ своего внутренняго

распорядка. Подтвержденіе — на лицо: Сенатъ отказался распубликовать наказъ, составленный кадетской комиссіей 3-ей Думы, какъ незаконный, а она всетаки имъ руководствуется и, къ величайшему изумленію всѣхъ законопослушныхъ подданныхъ не встрѣчаетъ ни въ комъ противодѣйствія этому вопіющему беззаконію. Равномѣрно нельзя предоставить самому законосовѣщательному собранію судить о правильности или неправильности избранія своихъ членовъ. Во первыхъ это опять подвергаетъ весьма щекотливому испытанію его безпристрастіе, въ особенности при состязаніи двухъ разномыслящихъ кандидатовъ на одинъ мандатъ, а во вторыхъ провѣрка правильности выборовъ для нея и крайне затруднительна по невозможности непосредственнаго изслѣдованія на мѣстѣ. Какъ составленіе наказа, такъ и провѣрка правильности избраній должны быть предоставлены Сенату. Все это, въ свою очередь, поведетъ къ ослабленію партійности, а слѣдовательно и къ пользѣ для дѣйствительнаго дѣла.

IX.

Весьма желательно и необходимо, но чего при существующемъ порядкѣ выборовъ достигнуть невозможно, чтобы избиратели находились въ постоянномъ общеніи со своимъ избранникомъ и могли слѣдить за исполненіемъ имъ своей обязанности и направленіи его дѣятельности. При настоящихъ порядкахъ г.г. члены Думы представляютъ безконтрольное, а потому и крайне распущенное собраніе, большая часть котораго относится до послѣдней степени небрежно къ своимъ обязанностямъ, не участвуя въ голосованіяхъ по предметамъ даже первостепенной важности для благополучія Государства, а между тѣмъ участіе всѣхъ въ особенности важно, когда государственные вопросы рѣшаются подсчетомъ голосовъ. По этому желательно, что бы избиратели имѣли возможность знать, въ какихъ вопросахъ

ихъ избранники участвовали и какъ именно голосовали.

Положеніе избранниковъ нынѣ дѣйствующей Государственной Думы не можетъ не вызывать изумленія въ людяхъ порядка и законности. Подъ предлогомъ нелѣпо толкуемой неприкосновенности Дума превратилась въ разнузданное скопище, для котораго необязательно ни соблюденіе законовъ, нарушеніе которыхъ непривиллегированнымъ смертнымъ жестоко карается, ни подчиненіе даже общепринятымъ въ общежитіи понятіямъ о приличіяхъ и благовоспитанности. Читающій отчеты думскихъ засѣданій не можетъ не возмущаться неприличіемъ поведенія членовъ собранія, какъ будто даже щеголяющихъ своими выходками и старающихся превзойти другъ друга въ наглости и даже преступности, оскорбляя все, что благоговѣйно чтитъ русскій народъ, котораго „представителями“ они себя ложно считаютъ. Нельзя не удивляться молчаливому попустительству такихъ безобразныхъ и прямо тяжко преступныхъ выходокъ со стороны Правительства. Оно тѣмъ поощряетъ необузданность всѣхъ членовъ Думы, которымъ не присущи чувства приличія и законности, а такихъ въ Думѣ къ сожалѣнію не мало. Предоставленные собственному произволу, не опасаясь возмездія, они при всякомъ удобномъ случаѣ превращаютъ дѣловое засѣданіе въ скандальный вертепъ, въ которомъ оскорбляютъ другъ друга, ругаются надъ присутствующими членами правительства и поносятъ церковь и Верховную Власть. И все это допускается невозбранно подъ предлогомъ неприкосновенности. Конечно, въ преобразованномъ на разумныхъ основаніяхъ законосовѣщательномъ учрежденіи такой „неприкосновенности“ не должно имѣть мѣсто.

Впрочемъ и вообще непонятно: почему нѣкоторая группа людей, избранныхъ отъ населенія для участія въ разработкѣ законовъ, должна пользоваться какими то бо́льшими правами, чѣмъ всякій обыватель? Понятно если народнымъ избранникамъ будетъ предоставленъ

особый почетъ, особое уваженіе, но почему противъ нихъ должны бездѣйствовать законы, карающія преступленія обыкновеннымъ смертнымъ совершенныя, это принадлежитъ къ числу соображеній простому здравому смыслу недоступныхъ.

Говорятъ — это нужно, для свободнаго выраженія ими своихъ мнѣній безъ опасенія потерпѣть наказаніе. Но и въ этомъ нѣтъ разумнаго смысла, въ особенности теперь, когда провозглашены всевозможныя свободы и между ними на первомъ планѣ свобода „слова“. Если она существуетъ для всѣхъ, то какая еще особая неприкосновенность требуется для охраны свободы словъ думскихъ засѣдателей? А слова преступныя, за произнесеніе которыхъ полагается закономъ наказаніе, должны быть таковыми же и для законосовѣщателей. Никакой поэтому особой неприкосновенности для нихъ ненужно и, наоборотъ всякая ихъ выходка, выступающая изъ предѣловъ приличія и законности должна караться еще строже чѣмъ карается безпочетный обыватель, ибо кому много дано, съ того надо и спрашивать много.

X.

Нынѣ дѣйствующее положеніе о Думѣ имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что обязывая ее санкціонировать каждое, даже самое мелочное, мѣропріятіе Правительства, перегружаетъ Г. Думу такимъ громаднымъ количествомъ „законопроектовъ“, что добросовѣстно познакомиться съ ними и разрѣшить сознательно не представляется ни малѣйшей возможности и такимъ образомъ обсужденіе множества законовъ обращается въ пустую формальность или еще хуже — въ недостойный фарсъ.

Когда наступитъ время пересмотра сооруженнаго на спѣхъ нынѣшняго государственнаго *разстроя*, то эту капитальную ошибку слѣдовало бы исправить и изъять изъ вѣдѣнія законосоставительнаго учрежденія

всю такъ называемую вермишель и вообще все, что выходитъ изъ области прямаго законодательства. Между тѣмъ теперь, кромѣ вермишели, на рѣшеніе Государственной Думы вносятся часто вопросы чисто административнаго распорядка, въ которыхъ рѣшительно ничего нѣтъ законодательнаго. Яркимъ и крупнымъ примѣромъ сего можетъ служить внесеніе на сужденіе Государственной Думы дѣла объ образованіи Холмской губерніи, выдѣленіемъ нѣсколькихъ уѣздовъ изъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

Это дѣло, въ которомъ нѣтъ рѣшительно ничего требующаго измѣненія существующихъ законовъ, составляющее исключительно вопросъ административнаго удобства, должно бы и разрѣшиться въ порядкѣ Верховнаго управленія, не разжигая политическихъ страстей польской инородности и пресмыкающагося предъ нею русскаго лакейства. И неужели для Правительства, вносящаго такіе вопросы на *законосоставительное* обсужденіе непонятно, что они будутъ разсматриваться въ ней исключительно съ политической точки зрѣнія, которая въ компетенцію Государственной Думы не входитъ и при Самодержавіи, еще не упраздненномъ, не должна входить.

Всѣ вопросы мелкіе и не требующіе измѣненія органическихъ законовъ Государства слѣдуетъ изъять изъ Государственной Думы и они должны подлежать разсмотрѣнію, такъ сказать, служилыхъ секцій Государственнаго Совѣта. Равномѣрно не должны подлежать сужденію ея вопросы касающіеся православной церкви и всѣхъ ея учрежденій, существа и дѣйствій Верховной Власти, государственной обороны, и политики какъ внѣшней такъ и внутренной, разумѣя подъ послѣдней установленія взаимоотношеній между различными народностями, входящими въ составъ имперіи, къ коренному русскому населенію и Верховной Власти.

Право запросовъ къ представителямъ правительства, дарованное существующей Государственной Думѣ,

оказалось въ дѣйствительности однимъ изъ способовъ глумленія надъ ними со стороны такъ называемой оппозиціи или же совершенно безплоднымъ, когда запросы дѣйствительно обнаруживали вопіющія злоупотребленія властей, какъ это было напримѣръ съ запросомъ правыхъ по безпримѣрнымъ ужасамъ, творящимся на Кавказѣ, при очевидномъ бездѣйствіи и попустительствѣ Воронцово-Дашковскаго намѣстничества. Само собою разумѣется, что нельзя лишить учрежденіе, призванное служить опорою и помощію Верховной Власти, слѣдить за правильнымъ ходомъ государственной машины, и исправностью машинистовъ-администраторовъ къ ней приставленныхъ, указывать на всѣ открытыя неисправности, происходящія отъ ихъ небреженія или злонамѣренности, но эта цѣль едва ли достигается формою запросовъ, превращающихся или въ способъ проявленія личнаго озлобленія или безслѣдно пропадающихъ въ формальныхъ бездоказательныхъ отговоркахъ. Поэтому казалось бы, что безплодное право запросовъ лучше замѣнить какимъ нибудь болѣе дѣйствительнымъ способомъ воздѣйствія на нарушающую законность администрацію, напримѣръ правомъ всеподданѣйшихъ обращеній къ Верховной Власти съ ходатайствами разслѣдованія обнаружившихся беззаконій. Такой способъ поведетъ къ тѣснѣйшей связи между Царемъ и народными избранниками, призванными помогать Ему въ тяжкихъ заботахъ о благосостояніи государства и охранять Его отъ неправильныхъ дѣйствій неудачно выбранныхъ исполнительныхъ властей.

XI.

Для стройности хода дѣлъ въ Государственной Думѣ необходимо чтобы въ порядкѣ разсмотрѣнія ихъ была твердо установленная послѣдовательность. Нынѣ существующій порядокъ или вѣрнѣе хаотическій

безпорядокъ и произволъ не можетъ быть болѣе терпимъ, когда дѣла насущной важности, нетерпящія отлагательства, какъ напр. вопросъ объ отдѣленіи Холма, положеніе Кавказа и т. п. затягиваются въ безконечность, а вопросы не имѣющіе никакой спѣшности какъ напр. преобразованіе мѣстнаго суда и никакой важности какъ напр. условное осужденіе, досрочное освобожденіе—поглощаютъ все время и вниманіе достойнѣйшихъ. Такое положеніе дѣлъ является результатомъ соображеній партійной тактики, учитывающей свои интересы внѣ всякой связи съ потребностями государственными и такъ будетъ всегда, пока порядокъ внесенія дѣлъ въ Думскія собранія будетъ зависить отъ выборнаго президіума и совершенно незаконнаго „сеньоренъ-конвента“ съ случайнымъ засиліемъ того или другаго большинства. Опредѣленіе очереди дѣлъ должно быть предоставлено органу наиболѣе и ближе всѣхъ освѣдомленному о нуждахъ государства, каковымъ слѣдуетъ несомнѣнно признать Совѣтъ Министровъ. Такой порядокъ внесетъ извѣстную стройность и въ дѣятельность его членовъ, когда они будутъ точно освѣдомлены о времени, когда имъ придется защищать предположенныя законоположенія. Необходимо также кореннымъ образомъ вывести постоянно творящееся въ нынѣшней Государственной Думѣ беззаконіе: обсужденіе въ ея общихъ собраніяхъ подъ видомъ правительственныхъ законопроектовъ ихъ искаженія въ Думскихъ комиссіяхъ, безъ предварительнаго обращенія такихъ комиссіонныхъ произведеній на заключеніе соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, какъ это требуется по закону. Это совершенно недопустимо и удивительно почему терпится безъ протеста со стороны правительства и блюстителя законовъ Сената?

Конечно въ этомъ беззаконіи виновенъ прежде всего выборный „президіумъ“ Думы, поддающійся партійному вліянію большинства его избравшаго и отъ котораго зависитъ и его будущее существованіе. Это составляетъ еще одно побужденіе къ замѣнѣ выборнаго

председательства—таковымъ по назначенію Высочайшей Власти, да кстати и для утвержденія, что Дума не есть учрежденіе находящееся внѣ Верховной Власти, а составляетъ подчиненный ей органъ.

Одинъ изъ главнѣйшихъ постоянныхъ предметовъ, подлежащихъ сужденію Государственной Думы, составляетъ разсмотрѣніе росписи Государственныхъ доходовъ и расходовъ. До сихъ поръ еще не было случая, чтобы Государственная Дума своевременно высказалась бы по этому предмету, а между тѣмъ запозданіе въ его утвержденіи ведетъ страну къ огромнымъ денежнымъ потерямъ и безпорядку въ исполненіи, что не разъ было констатировано какъ оффиціально, такъ и повременною печатью. Слѣдовало бы разъ навсегда прекратить возможность государственныхъ потерь отъ незаботливаго отношенія къ своимъ обязанностямъ народныхъ избранниковъ. Для сего можно было бы рекомендовать слѣдующія мѣры. Государственная роспись вносится одновременно въ опредѣленный срокъ въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ и разсматривается обоими учрежденіями самостоятельно. Обсужденіе росписи должно быть окончено тоже къ точно установленному сроку, для Думы нѣсколько раньшему, что бы Государственный Совѣтъ могъ ознакомиться съ внесенными Думою измѣненіями. Если Дума не окончитъ въ срокъ разсмотрѣніе Государственнаго бюджета, то таковой представляется на утвержденіе Верховной Власти въ томъ видѣ, въ какомъ опредѣлится сужденіемъ о немъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

XII.

Для возстановленія истиннаго значенія Самодержавной власти Государя необходимо, чтобы онъ былъ освѣдомленъ не только о мнѣніяхъ большинства народныхъ избранниковъ, но и о всѣхъ остальныхъ

сужденіяхъ, состоявшихся въ средѣ ихъ, а также въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Безъ этого существеннѣйшаго свойства—свободы выбора окончательнаго рѣшенія, не обусловливаемаго ничѣмъ, кромѣ личнаго убѣжденія ума и совѣсти монарха, Самодержавіе превращается въ пустой звукъ, неимѣющій никакого дѣйствительнаго значенія. Но быть въ подобномъ положеніи ему не подобаетъ: это не титулъ, украшающій фамилію и льстящій самолюбію того кому присвоивается. Самодержавіе есть способъ осуществленія Государственной власти чрезъ свободную, ничѣмъ нестѣсняемую волю и разумъ ея носителя. Самодержавіе есть безусловное верховенство личнаго рѣшенія Самодержца, при которомъ понятіе о большинствѣ не можетъ играть никакой роли. Введеніе принципа перевѣса большинства съ одновременнымъ оставленіемъ наименованія Государственнаго строя Самодержавнымъ вводитъ непримиримый хаосъ въ понятіе о существѣ образа правленія и лишаетъ его необходимой опредѣленности и устойчивости, раздувая такую же непримиримую вражду между политическими разномыслящими, сколь непримиримы принципы Самодержавія съ господствомъ большинства.

Въ дореформенное время правильный ходъ законодательства совершался чрезъ обсужденіе законопредположеній въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которомъ всѣ состоявшіяся о нихъ мнѣнія, подробно мотивированныя, представлялись на сужденіе Верховной власти, которая и утверждала *Самодержавно* то изъ нихъ, которое ею по разуму и совѣсти признавалось наиболѣе правильнымъ и полезнымъ для Государства, не стѣсняясь количествомъ голосовъ, высказавшихся за избранное мнѣніе.

Къ такому порядку и слѣдуетъ вернуться для того, что бы имѣть разумное и твердое основаніе именовать дѣйствующій Государственный строй Самодержавнымъ, и разъ навсегда вывести Государство изъ того смутнаго состоянія, въ которое его повергло сочетаніе двухъ

несовмѣстимыхъ и непримиримыхъ началъ власти: верховенства воли личной съ засиліемъ большинства. Учрежденіямъ, обработывающимъ законы, останутся ли они оба или сольются въ одно, должно быть предоставлено свободное выраженіе мнѣній, но рѣшающій выборъ изъ оныхъ или отклоненіе всѣхъ, долженъ составлять право Верховной Власти или же въ Основныхъ законахъ слѣдуетъ измѣнить опредѣленіе правленія Россійскою Имперіею „Самодержавнымъ“.

Если будетъ признано необходимымъ оставить оба законосоставительныя учрежденія, то мнѣнія состоявшіяся въ первой инстанціи—Государственной Думѣ, или какъ она будетъ названа, должны быть всѣ на обсужденіи Государственнаго Совѣта, составляющаго инстанцію контролирующую, а всѣ мнѣнія этого послѣдняго представляться на выборъ и утвержденіе одного изъ нихъ Самодержавною властію.

Самодержавная Власть не можетъ быть связываема ничѣмъ въ своихъ проявленіяхъ, поэтому всѣ такія выраженія, которыя какъ будто стремятся къ ея ограниченію должны быть исключены изъ Основныхъ законовъ, что нисколько не помѣшаетъ твердому положенію законосоставительныхъ учрежденій въ ряду другихъ правительственныхъ органовъ Государства. Вообще будущимъ реорганизаторамъ нашего обновленнаго но, увы, далеко неусовершенствованнаго Государственнаго строя слѣдуетъ прежде всего рѣшитъ твердо и безъ всякихъ колебаній и двусмысленностей вопросъ: какой принципъ долженъ быть положенъ въ основаніе Русскаго Государственнаго построенія: принципъ Самодержавія или же принципъ народовластія, и твердо помнить, что изъ ихъ смѣшенія ничего путнаго неполучится, потому что они взаимоуничтожающи, но не сливающіеся.

Если выборъ реорганизаторовъ остановиться на развитіи и усовершенствованіи правленія страною на основѣ Самодержавія, а иного предположенія нельзя русскому человѣку даже себѣ представить, то слѣдуетъ

имѣть въ виду, что при Самодержавномъ царѣ только онъ, какъ сосредоточіе народной воли, является народнымъ представителемъ. Никакихъ другихъ представителей народа при немъ быть не можетъ. Впрочемъ и вообще даже въ странахъ съ наиболѣе выраженнымъ типомъ народовластія—республикахъ наименованіе выборныхъ депутатовъ народными представителями является фиктивной фанфаронадой, но отнюдь не выражаетъ дѣйствительнаго отношенія между народомъ и избранными. Въ самомъ дѣлѣ: народъ, или вѣрнѣе, группа избирателей изъ народа въ одномъ мѣстѣ выбираетъ монархиста, другая анархиста, третья умѣреннаго, соціалиста и т. д. до величайшаго непримиримаго разнообразія. И всѣ эти избранники, стремящіеся въ совершенно противоположныя стороны и готовые задушить другъ друга ради торжества своей идеи, вѣрнѣе своей партіи и своего собственнаго, именуютъ себя „народными представителями". Получается непроходимая нелѣпость: народъ, стремящійся уничтожить самъ себя въ лицѣ своихъ разномыслящихъ „представителей". Очевидно, что разномыслящая масса, какою всегда и неизбѣжно будетъ всякое собраніе народныхъ избранниковъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа народными представителями, а тѣмъ менѣе при Самодержавномъ строѣ Государства. Народное представительство, чтобы не быть самопротиворѣчущею ложью, можетъ являться только въ одномъ лицѣ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ многоразличныя народныя стремленія, и, какъ при сліяніи многихъ рѣкъ, въ немъ и проявится преобладающее Государственное теченіе, поглощающее слабѣйшіе притоки.

Наименованіе избранниковъ въ законосоставительныя учрежденія „народными представителями". не соотвѣтствуя дѣйствительности, вноситъ и ложное представленіе о ихъ отношеніяхъ къ Верховной власти, съ которой они мнятъ себя призванными соправительствовать, а не помогать и оберегать ее. Это ложное представленіе о своемъ значеніи возбуждаетъ конку-

ренцію между двумя властными началами, ведущую къ постоянному стремленію избранниковъ къ перемѣщенію власти въ свои руки, что мы видѣли и видимъ въ поведеніи всѣхъ доселѣ собиравшихся Думъ и что будетъ неизмѣнно и неизбѣжно повторяться во всѣхъ послѣдующихъ, какъ бы не измѣнялся ихъ составъ подъ вліяніемъ модныхъ политическихъ теченій, преобладающихъ въ данное время, пока не будетъ незыблемо и ясно установлена основа Государственнаго строя и отношенія къ ней вспомогательныхъ но не соправительствующихъ учрежденій.

XIII.

Капитальнѣйшая ошибка творцовъ обновленнаго Государственнаго строя заключалась въ томъ, что вопреки требованіямъ логики и здраваго смысла они начали постройку Государственнаго зданія не подготовивъ для него необходимаго фундамента. Всякое сооруженіе начинается снизу, но не сверху, какъ его производили наши правительственные архитектора. Замысливъ призвать на помощь Верховной власти и ввести въ число правительственныхъ органовъ собраніе „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ избранныхъ отъ населенія людей", они не подумали о томъ, что у насъ жизнь не создала такихъ политически-организованныхъ группъ населенія, которыя могли бы сознательно выбрать и послать на призывъ правительства дѣйствительно лучшихъ людей. Отвергнувъ по соображеніямъ мало понятнымъ и еще менѣе убѣдительнымъ сословные выборы, они не пожелали воспользоваться и другою единственно до извѣстной степени пригодною организаціей—земствомъ, въ которой, не смотря на всѣ ея крупнѣйшіе недостатки, выборы могли быть произведены все же съ наибольшею осмысленностью. Какія бы не были причины устраненія сословныхъ и земскихъ органи-

зацій, какъ выборныхъ группъ, во всякомъ случаѣ въ нихъ меньше всего проявилось заботы о народномъ благѣ и пониманія его жизни. Отверженіе это оказалось въ интересахъ безпочвенной интеллигенціи, спеціалистовъ свободныхъ профессій, не имѣющихъ никакихъ связей ни съ сословной, ни съ земскою жизнью, и повело къ полному торжеству на выборахъ политиканства моднаго направленія, каковымъ было вначалѣ революціонное, смѣнившееся послѣ его подавленія подражательно-конституціоннымъ, господствующимъ не въ народѣ, а среди интеллигенціи и нынѣ. Такія послѣдствія выборовъ неизбѣжны и будутъ повторяться до тѣхъ поръ пока правительство не откажется отъ неестественнаго образованія выборныхъ группъ изъ людей другъ другу неизвѣстныхъ и ничего общаго между собою не имѣющихъ.

Каково бы ни было государственное построеніе въ высшихъ правящихъ сферахъ, но основаніемъ для образованія его вспомогательныхъ выборныхъ учрежденій можетъ быть только земство, какъ органъ ближайшій къ населенію и непосредственно соприкасающійся съ мѣстными потребностями и наилучше ихъ знающій. Усовершенствовавъ его организацію упраздненіемъ тормозящаго развитіе мѣстной земской дѣятельности, мертво-рожденнаго Губернскаго земства и предоставивъ веденіе всего земскаго дѣла уѣзднымъ учрежденіямъ, вполнѣ независимымъ отъ какой бы ни было другой земской инстанціи, правительство освободитъ на производительныя мѣстныя земскія мѣропріятія около сотни милліоновъ ежегодно, нынѣ растрачиваемыхъ безплодно на содержаніе непомѣрно огромныхъ личныхъ составовъ губернскихъ земскихъ учрежденій. Эта экономія, оставаясь въ уѣздахъ, съ развитіемъ въ нихъ земской дѣятельности, нынѣ чахнущей отъ недостатка средствъ, выкачиваемыхъ на содержаніе Губернскихъ Земскихъ персоналовъ, привлечетъ въ уѣзды на постоянное пребываніе часть образованнаго класса, при нынѣшнемъ по-

ложеніи сплошь стремящагося въ большіе города, за невозможностью найти заработокъ въ уѣздахъ. Такимъ образомъ мало по малу, а можетъ быть и довольно быстро, изцѣлится вѣковая язва, которой страдаетъ наше отечество—оторванность интеллигенціи отъ народной жизни и какъ прискорбнѣйшее, но неизбѣжное послѣдствіе сего—не знаніе народа, его нуждъ и отсутствіе патріотизма. Прекратится та мерзость запустѣнія, въ которой находится провинція, порождаемая дѣйствующей земской системой, выжимающей изъ мѣстной жизни всѣ средства и оставляющей ее безъ денегъ и безъ людей. Если въ чемъ ощущается потребность освобожденія отъ системы централизаціи, то это именно въ земскомъ хозяйскомъ, въ обширномъ смыслѣ слова, дѣлѣ. Регуляторомъ самостоятельной земской уѣздной жизни должна быть только Государственная власть, но отнюдь не другое земское учрежденіе.

Земское дѣло въ инстанціяхъ не нуждается; земство должно быть единое, самостоятельное, совершенно свободное въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ земскимъ учрежденіемъ такого же достоинства.

Изъ такихъ земствъ и слѣдуетъ почерпать „достойнѣйшихъ" помощниковъ Верховной Власти въ управленіи нашимъ обширнымъ царствомъ.

Разсуждая о личномъ составѣ законосовѣщательнаго учрежденія нельзя обойти молчаніемъ вопроса объ участіи въ немъ духовенства.

Вопросъ этотъ очень важный и очень трудный. Съ одной стороны устранить православное духовенство отъ участія въ благоустроеніи православной страны рѣшительно невозможно. Но, съ другой стороны, отрывать приходскаго священника или Епископа отъ епархіи отъ ихъ паствы на продолжительное время неоспоримо въ высшей степени вредно. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія могъ бы быть найденъ въ 1-хъ въ особой группировкѣ духовенства для выборовъ, во 2-хъ въ сокращеніи срока продолжительности сессій законосовѣщательнаго учрежденія, что возможно при изъ-

ятіи изъ него „вермишели“ и въ сокращеніи общаго выборнаго срока съ пяти лѣтъ на три, въ соотвѣтствіи со срокомъ избранія гласныхъ на земскую службу, что будетъ даже необходимо если будетъ принята система прямыхъ выборовъ изъ членовъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Установленный теперь 5-ти лѣтній срокъ выборной Думской службы имѣетъ оправданіе своей продолжительности въ томъ, что существующій способъ выборовъ обходится населенію страшно дорого и частое ихъ повтореніе было бы прямо разорительно. Но это соображеніе при земской системѣ выборовъ совершенно отпадаетъ. При нихъ не потребуется ни одной копѣйки накладныхъ расходовъ, такъ какъ выборы могутъ производиться во время съѣзда гласныхъ на очередныя земскія собранія. Продолжительность дѣйствія выборнаго полномочія можетъ объясняться еще тѣмъ, что частая смѣна Думскаго состава не дастъ ему основательно познакомится съ своими обязанностями. Дѣйствительно, при существующемъ порядкѣ выборовъ можно ожидать отъ всякой случайности, отъ всякой перемѣны общественной впечатлительности чуть не поголовной смѣны Думскаго состава. Но едва ли тоже самое можетъ имѣть мѣсто при прямыхъ выборахъ по земствамъ, въ которыхъ и теперь гласный цѣнится не по цвѣту своихъ убѣжденій, а по своему уму, таланту и дѣловитости,— и именно въ *уѣздныхъ* земствахъ, но не въ Губернскихъ. Конечно встрѣчаются и исключенія, но гдѣ же и въ чемъ ихъ нѣтъ?

Возвращаясь къ вопросу объ участіи въ Государственной Думѣ духовенства можно еще прибавить, что далеко не всѣ Государственные вопросы требуютъ участіе духовенства въ ихъ обсужденіи и отъ такихъ, въ которыхъ не затронуты духовные интересы народа оно могло бы быть освобождено. Но рѣшеніе участія или неучастія его въ разсмотрѣніи внесеннаго законопроекта должно быть предоставлено высшему духовному учрежденію—Сѵноду.

Оканчивая обсужденіе вопроса о томъ, какимъ должно быть желательное выборное учрежденіе, призванное помогать Верховной власти и ея правительству въ благоустроеніи государства, нельзя не упомянуть настойчиво, что въ немъ не должно быть мѣста инородческимъ вліяніямъ. Ихъ нужды и пользы, соотвѣтствующія интересамъ русскаго народа, хозяина русскаго Государства, найдутъ несомнѣнно свое удовлетвореніе въ Русскихъ правительствующихъ учрежденіяхъ. Инородцамъ можетъ быть предоставлено широкое право заявлять о своихъ потребностяхъ высшему правительству (но не Думѣ), но признаніе ихъ заслуживающими удовлетворенія должно принадлежать голосу русскаго народа, чрезъ его русскихъ выборныхъ.

XIV.

Совершенствуя выборныя учрежденія, не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ забывать о настоятельной необходимости усовершенствовать и высшіе правительственные механизмы, къ каковымъ принадлежатъ Сvнодъ, Сенатъ и Государственный Совѣтъ.

Что касается до перваго изъ перечисленныхъ учрежденій—Сvнода, то считая неумѣстнымъ подробно анализировать здѣсь его положеніе, можно однако съ увѣренностью сказать, что онъ въ полной мѣрѣ обладаетъ возможностью оказывать громадное воздѣйствіе на теченіе Государственной жизни и если онъ не пользуется въ достаточной и для православнаго народа необходимой степени своимъ духовнымъ авторитетомъ, то это едва ли можно приписать несовершенству его какъ учрежденія. Его бездѣйствіе, его равнодушное безучастіе къ цѣлому ряду враждебныхъ проявленій противъ православной религіи и церкви ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть объяснено его безсиліемъ на нихъ воздѣйствовать и имъ противобор-

ствовать. Что могло напр. помѣшать Сvноду энергически выступить противъ сооруженія въ городѣ *Санктъ* Петербургѣ идольскаго капища, какіе законы или регламенты заградили его уста для авторитетнаго обличенія обмановъ и шулерскаго превращенія Будды въ св. царевича Іосафата со стороны радѣтелей ламаизма? Почему противъ этихъ невѣжественныхъ или преступныхъ оскорбителей и унизителей христіанскаго ученія раздаются только скорбные голоса міранъ, да одиночныя выступленія немногихъ архипастырей православной церкви, пропадающихъ безслѣдно въ атмосферѣ убійственнаго правительственнаго равнодушія къ ударамъ, сыплющимся со всѣхъ сторонъ на „господствующую" религію, оставленную на произволъ и терзанія всякаго иновѣрія ея законными защитниками?

Почему Сvнодъ хранитъ гробовое молчаніе, не отражая нападки будистовъ, баптистовъ, іонитовъ и др. на православіе, какъ будто въ его обязанности не включается оберегать цѣлость и достоинство церкви, во главѣ управленія которой онъ находится? Почему онъ не оказываетъ ни малѣйшаго воздѣйствія на „прогрессивныхъ", а съ православной точки зрѣнія прямо нечестивыхъ священниковъ Государственной Думы, становящихся въ церковныхъ вопросахъ противъ интересовъ православной церкви, почему онъ допускаетъ такихъ носить санъ священно-служителей, этихъ отщепенцевъ отъ православія, радѣтелей и пособниковъ всѣхъ враговъ православной церкви, стремящихся къ ея униженію и разрушенію? Ужъ конечно не потому, что онъ безвластенъ и немощенъ противустать этимъ нападеніямъ. Очевидно, что если бы Синодъ *хотѣлъ*, то онъ могъ и долженъ былъ энергически выступать противъ всякаго нападенія на православную церковь и ея учрежденія, противъ всякаго ея оскорбленія и умаленія ея преимущественныхъ правъ, отъ которыхъ теперь уже ничего не осталось. Они всѣ растворились въ ядовитой кислотѣ „свободы совѣсти", обратившейся съ перваго же дня

ея провозглашенія въ свободу всяческаго и ото всѣхъ поруганія „господствующей“ православной церкви, которую не заушалъ только лѣнивый, при благодушномъ невмѣшательствѣ властей духовныхъ и свѣтскихъ.

Какъ преобразовать Сѵнодъ, что бы онъ сталъ, чѣмъ долженъ быть, энергическимъ и дѣятельнымъ защитникомъ правъ и преимуществъ православной церкви, судить не беремся, но думается, что для достиженія этого не столько нужна реформа учрежденія, сколько реформа духа членовъ этого высшаго духовнаго учрежденія, а это куда труднѣе измѣненія объема его правъ и обрядности.

Единственное серьезное улучшеніе Государственнаго строя какъ послѣдствіе закона 17 октября заключается въ преградѣ, поставленной самоволію г.г. министровъ, жестоко злоупотреблявшихъ правомъ испрошенія законодательныхъ мѣропріятій, въ обходъ Государственнаго Совѣта, всеподданнѣйшими докладами, что породило великое множество беззаконій и компрометтировало Верховную власть Монарха, становившагося отвѣтственнымъ за каждую неудачную мѣру, предпринятую безъ обсужденія ея въ Государственномъ Совѣтѣ. Но къ прискорбію и это улучшеніе остается только въ теоріи; на практикѣ же всеподданнѣйшіе обманы замѣнились еще худшимъ видомъ министерскаго самовластія, отмѣняющаго теперь коренные законы простыми циркулярными распоряженіями, какъ напримѣръ циркуляръ, разрѣшающій евреямъ жительство въ мѣстностяхъ закономъ воспрещенныхъ. Клонись такіе циркуляры къ удовлетворенію насущныхъ надобностей русскаго народа, они подняли бы цѣлую бурю протестовъ либеральствующихъ инородческихъ прихвостней, при конфузливомъ молчаніи патріотовъ, но такъ какъ такія циркулярныя предписанія мыслимы только въ ущербъ русскимъ, то конечно встрѣчаются одобрительно руководящими космополитами, а на протесты русскихъ людей не обращается ни малѣйшаго вниманія.

Въ сущности говоря, не взирая на цѣлую лавину реформъ, перевернувшихъ и потрясшихъ Государство въ самыхъ его основахъ, положеніе осталось совершенно тоже самое, что было и при „бюрократически-полицейскомъ“ режимѣ. Какъ тогда царилъ режимъ беззаконія, такъ неистовствуетъ онъ и теперь и при томъ въ гораздо бо́льшей, а главное наглѣйшей степени. Въ дореформенное время беззаконіе все таки прикрывалось для видимости какимъ нибудь оправдательнымъ документомъ, а нынѣ и это считается совершенно излишнимъ и беззаконія совершаются оптомъ и въ розницу безъ малѣйшаго воздѣйствія или протеста и пальму первенства въ этомъ заслужило именно то новообразованное учрежденіе—Государственная Дума, которое призвано было наблюдать за законномѣрностью поведенія всероссійской администраціи. Для чего же,-спрашивается, было громоздить столько дорого стоющихъ, никого не удовлетворившихъ и ничего не исправившихъ реформъ? Если бы реформаторы прежде ломки государственнаго строя потрудились оглянуться на то, что дѣлается въ мірѣ конституцій и республикъ, то увидѣли бы, что никакой „режимъ“ не спасаетъ отъ порочности администраторовъ. Французская республика повидимому наиболѣе вдохновлявшая нашихъ преобразователей и „прогрессивную“ часть общественныхъ дѣятелей не спасла Францію отъ колоссальнѣйшихъ государственныхъ мошенничествъ, панамъ, Дрейфусіадъ, отъ конечнаго развращенія населенія и его вымиранія. Лучшіе умы Америки скорбятъ о неисправимой продажности республиканской администраціи и видятъ спасеніе въ созданіи единой, неограниченной власти. Ни республики, ни конституціонныя государства не гарантируютъ безопасности ихъ президентовъ и монарховъ. На нашей памяти пали отъ рукъ убійцъ лучшіе и благороднѣйшіе изъ нихъ, какъ напр. король Италіи Гумбертъ – образцовый конституціонный монархъ и прекраснѣйшій человѣкъ, президентъ С. Американскихъ штатовъ—Линкольнъ—уничтожившій раб-

ство негровъ, Карно—корректнѣйшій изъ президентовъ, Форъ и другіе. Если всѣ эти ужасныя и позорныя преступленія приписать, какъ это старались внушить намъ относительно совершавшихся у насъ государственныхъ преступленій, существующему режиму, то во что же надо преобразовывать республики и конституціонныя монархіи, вполнѣ на практикѣ примѣнившихъ девизъ „великой“ революціи: свобода, равенство и братство? Прискорбнѣйшая ошибка нашихъ правителей заключалась въ томъ, что они стали лечить язвы всяческихъ злоупотребленій не ихъ искорененіемъ, имѣя на то необходимое оружіе въ уголовныхъ законахъ и существующихъ судебныхъ учрежденіяхъ, а реформами существа Государственнаго строя. Никакой режимъ отъ наисвободнѣйшаго до наидеспотичнѣйшаго не спасаетъ отъ преступныхъ проявленій администраторовъ и администрируемыхъ, если они не сдерживаются страхомъ неминуемаго наказанія, если нѣтъ учрежденія обязаннаго блюсти за ненарушеніемъ законовъ. И старый режимъ былъ вполнѣ достаточно вооруженъ для воздѣйствія на преступность, бѣда въ томъ, что преступность высшихъ сановниковъ оставалась безнаказанной вслѣдствіе ложныхъ опасеній скомпрометтировать власть, а рядовая преступность вслѣдствіе фальшиваго сантиментализма, господствовавшаго въ обществѣ подъ вліяніемъ разныхъ теорій неотвѣтственности преступника, его невмѣняемости по разнымъ причинамъ: ненормальности умственныхъ способностей, состоянія въ „афектѣ“, вырождаемости и т. п.

Блюстителемъ законности при старомъ строѣ былъ Сенатъ, къ сожалѣнію въ періодъ судебныхъ реформъ прошлаго вѣка потерявшій это свое главнѣйшее значеніе, тогда какъ, напротивъ, его вліяніе и власть должны бы быть расширены въ прямой соотвѣтственности съ усложненіемъ жизненныхъ потребностей населенія и новыхъ формъ его отношеній къ правящимъ сферамъ. Блюститель законности — Сенатъ долженъ

быть совершенно независимъ отъ какихъ бы ни было властей, кромѣ Верховной Власти Монарха, служа его зоркимъ и внимательнымъ сторожевымъ окомъ противъ всякаго покушенія на нарушеніе закона съ чьей бы то ни было стороны, какъ бы высоко не было положеніе лица или учрежденія въ томъ провинившагося, карая закононарушенія тѣмъ строже, чѣмъ большею властію или довѣріемъ располагали виновные. Сенатъ долженъ быть освѣдомленъ обо всемъ происходящемъ какъ въ высшихъ правительственныхъ и административныхъ учрежденіяхъ такъ и въ провинціальныхъ ихъ развѣтвленіяхъ. Онъ долженъ немедленно пресѣкать всякое незаконное явленіе, имѣть право по собственной инициативѣ привлекать къ отвѣтственности виновныхъ. Сношенія его съ Монархомъ должны быть непосредственны чрезъ первоприсутствующаго сенатора; между Царемъ и Сенатомъ не должно стоять никакое лицо, никакое учрежденіе. Званіе сенатора должно быть почетнѣйшимъ среди всѣхъ другихъ должностей и положеній и несовмѣстимо ни съ какимъ другимъ занятіемъ или званіемъ, по этому лицо, занимающее какую либо служебную должность, не должно имѣть права быть въ тоже время сенаторомъ. Равнымъ образомъ и сенаторъ слагаетъ съ себя это званіе, получая какое либо другое назначеніе. Сенату въ смыслѣ наблюденія за законностью поведенія должны быть подчинены всѣ государственныя учрежденія, какъ правительственныя такъ и выборныя. Нынѣ существующій для Государственной Думы, противорѣчащій разсудку и здравому смыслу, самосудъ, отдающій на произволъ партійнаго большинства судьбу ея отдѣльныхъ членовъ, начиная съ утвержденія выборовъ и кончая сужденіемъ о виновности въ тягчайшихъ государственныхъ преступленіяхъ, долженъ быть безусловно уничтоженъ. За законностью Думскихъ и выборныхъ процедуръ и поведенія членовъ Думы обязанъ наблюдать Сенатъ въ провинціи черезъ своихъ уполномоченныхъ, а въ Думѣ чрезъ обязательно присутствующихъ на

ея засѣданіяхъ очередныхъ или назначенныхъ для сего Верховной властію Сенаторовъ.

Государственный Совѣтъ, значительно усиленный въ своемъ составѣ обновительною реформою съ введеніемъ въ его составъ выборныхъ членовъ, поставленъ однако въ положеніе несоотвѣтствующее его высокому значенію какъ высшаго законосоставительнаго учрежденія, будучи въ своей дѣятельности въ полнѣйшей зависимости отъ поведенія первой законосоставительной инстанціи — Государственной Думы, отъ ея работоспособности и даже отъ ея капризовъ, не имѣя никакихъ способовъ воздѣйствія на нее, ни возможности заняться помимо ея разсмотрѣніемъ хотя бы самонужнѣйшаго законопроекта. Ради пользы государственной, ради достоинства Государственнаго Совѣта и ради улучшенія работоспособности самой Государственной Думы, такая зависимость должна быть уничтожена. До сихъ поръ Государственная Дума въ своей подражательности западно-европейскимъ парламентамъ дошла только до площадныхъ ругательствъ и покушеній на драку, но если она разовьется дальше и усвоитъ себѣ систему обструкцій, то она остановитъ всю законодательную дѣятельность и вынудитъ Государственный Совѣтъ быть бездѣйствующимъ зрителемъ борьбы Думскихъ партійныхъ страстей ничего общаго съ государственною пользою неимѣющихъ. Изъ этого недостойнаго для Государственнаго Совѣта и вреднаго для интересовъ Государства положенія выходъ можетъ быть найденъ въ опредѣленіи очереди и срочности разсмотрѣнія законопроектовъ, вносимыхъ въ Государственную Думу, опредѣляемыхъ по представленію Совѣта Министровъ Высочайшей Властію. Еще полезнѣе, въ смыслѣ сбереженія времени, одновременное внесеніе каждаго законопроекта въ оба учрежденія, съ опредѣленіемъ конечнаго срока разсмотрѣнія, съ прибавкою времени на согласованіе заключеній Думы и Совѣта. Неоконченные въ опредѣленный срокъ разсмотрѣніемъ Думою законопроекты представляются на

Высочайшее утвержденіе въ редакціи Государственнаго Совѣта. Такой порядокъ побудитъ Государственную Думу работать усерднѣе, хотя бы изъ чувства простаго самолюбія, и не терять времени на взаимную травлю и на погоню за расширеніемъ своей власти. Исключены изъ срочности могутъ быть вопросы, инициатива возбужденія которыхъ принадлежитъ самой Государственной Думѣ и если обсужденіе ихъ удостоится Высочайшаго разрѣшенія.

Какъ Сенатъ въ своемъ значеніи блюстителя законности, такъ и Государственный Совѣтъ какъ высшее законосоставительное учрежденіе долженъ быть совершенно независимъ отъ какихъ бы то нибыло постороннихъ вліяній, для возможно большей свободы и безпристрастности его сужденій. Въ интересахъ этого члены Государственнаго Совѣта, назначаемые Высочайшею властію, не должны занимать, какъ и Сенаторы, никакой другой должности; никакое совмѣстительство ихъ съ другимъ назначеніемъ не можетъ имѣть мѣста. Никто кромѣ членовъ Государственнаго Совѣта не долженъ имѣть рѣшающаго голоса въ этомъ учрежденіи. Министры и главноуправляющіе, представляющіе законопредположенія могутъ только давать по нимъ объясненія, но въ голосованіи участія принимать не должны, ибо не могутъ быть безпристрастными судьями въ своей собственной работѣ.

Таково въ общемъ должно быть положеніе Государственнаго Совѣта, если будетъ признано невозможнымъ обойтись безъ двухъ законосоставительныхъ учрежденій, хотя мы не усматриваемъ никакихъ препятствій къ совмѣстной работѣ народныхъ избранниковъ съ избранниками Царя. И тѣ и другіе обязаны преслѣдовать одну цѣль,—пользу государства и благосостояніе населенія, а сліяніе ихъ въ одно учрежденіе поведетъ во 1-хъ къ экономіи времени, во 2-хъ къ сближенію между представителями и знатоками народныхъ интересовъ и правительственными агентами, знатоками механизма государственнаго управ-

ленія и къ уничтоженію существующаго между ними антагонизма, нынѣ разгорающагося вслѣдствіе отдѣльности двухъ равнозначущихъ учрежденій, соревнующихъ въ своемъ государственномъ значеніи.

Если признается возможнымъ имѣть только одно учрежденіе для разработки законопроектовъ, именно Государственный Совѣтъ смѣшаннаго состава, то выборы въ него членовъ отъ населенія должны производиться тѣмъ же порядкомъ какъ предположено въ Государственную Думу т. е. прямыми выборами въ уѣздныхъ земствахъ или вообще въ той одностепенной земской организаціи, которая замѣнитъ нынѣ существующую двустепенную, доказавшую свою полную неудовлетворительность.

Если же государственныя соображенія остановятся на необходимости имѣть два собранія послѣдовательно или одновременно обсуждающихъ законопроекты, то для выборнаго состава Государственнаго Совѣта нѣтъ никакой надобности образовывать какія нибудь новыя избирательныя группы, разъ, что сословныя отвергнуты какъ негодныя для образованія Государственной Думы. Выборный составъ Государственнаго Совѣта можетъ быть образованъ изъ извѣстнаго числа избранниковъ въ Государственную Думу, на половину избираемыхъ самою Думою, а на половину назначаемыхъ Высочайшею властію. Для того, чтобы эти выборы производились сознательно необходимо, что бы они несовпадали со срокомъ выборовъ въ Государственную Думу, а производились не менѣе, какъ годъ или даже два спустя, что бы члены Государственной Думы успѣли хорошо взаимно ознакомиться и представители власти могли тоже дать имъ правильную оцѣнку. Избранные въ Государственный Совѣтъ члены Думы, какъ и составляющіе эту послѣднюю, должны быть вполнѣ независимы отъ правительственной администраціи какъ въ нравственномъ такъ и въ матеріальномъ отношеніи, а потому содержаніе свое должны получать отъ своихъ избирателей—уѣздныхъ земствъ, но отнюдь не отъ

правительства ни прямымъ денежнымъ вознагражденіемъ, ни льготами и другими матеріальными выгодами въ какихъ бы то ни было формахъ.

Правительство не вмѣшивается въ отношеніе, между земствами и ихъ избранниками въ законосоставительныя учрежденія, предоставляя имъ самимъ ихъ опредѣленіе. Земства могутъ давать своимъ избранникамъ порученія и наказы, не нарушающіе дѣйствующихъ узаконеній, могутъ установить извѣстную отчетность предъ ними ихъ избранника, но внѣ всякаго содѣйствія или вмѣшательства правительства. Смѣна избранника до срока, на который онъ избранъ можетъ быть только какъ послѣдствіе совершеннаго имъ государственнаго или безчестящаго преступленія распоряженіемъ Высочайшей власти. Земства обязаны безъ задержанія и безъ недоимки уплачивать опредѣленное избранникамъ содержаніе, за исполненіемъ сего наблюдаетъ правительство, которому земство обязано сообщить вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ объ избранномъ лицѣ и размѣръ назначеннаго ему содержанія, которое и вносится земствомъ своевременно въ Петербургское казначейство, для выдачи по принадлежности.

XV.

Созданіе Государственной Думы изъ достойнѣйшихъ народныхъ избранниковъ объяснялось какъ мѣра сближенія Царя съ народомъ, чрезъ его представителей, какъ уничтоженіе „бюрократическаго средостѣнія“ разъединявшаго народъ отъ Верховной власти и заслонявшаго отъ взоровъ сей послѣдней истинныя народныя нужды, дѣйствительное положеніе государства. Но дѣйствующая Г. Дума ни въ какой степени не оправдала эту цѣль. Она нетолько не разрушила бюрократическое средостѣніе, отдѣлявшее народъ отъ трона, но къ этому прибавила, въ своемъ учрежденіи, еще новое, еще худшее средостѣніе уже окончательно не только заслоняющее

государство отъ взоровъ Монарха, но, что еще ужаснѣе, совершенно извращающее его дѣйствительное положеніе. Если бюрократическое посредничество грѣшило неточностями передачи по незнанію или непониманію нуждъ страны, то Думское собраніе отражаетъ ихъ въ умышленно ложномъ представленіи, всѣми способами стараясь ввести въ заблужденіе Верховную Власть, и побудить ее къ поступкамъ гибельнымъ и для нея самой и для русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ могутъ доклады такихъ пособниковъ разрушенія русскаго исторически сложившагося государственнаго строя, какъ ка-детъ Головинъ, и конституціоналисты - октябристы Н. А. Хомяковъ и Гучковъ, *отрицающіе Самодержавіе* способствовать уясненію народныхъ стремленій предъ лицомъ Монарха? Развѣ они могутъ служить посредниками между Царемъ и народомъ, лучшими чѣмъ бюрократы, будучи представителями ничтожной, но очень честолюбивой партіи, стремящейся исключительно къ захвату власти? Если въ настоящей Думѣ и найдется десятокъ-другой дѣйствительно достойныхъ людей, то они неимѣютъ никакого вліянія на ходъ Думскихъ дѣлъ, не-смотря на всю ихъ энергію и талантливость, подавляемые засильемъ интригъ, и невѣжества. Въ такой Думѣ, составленной по существующему совершенно непригодному выборному закону, всегда будетъ господствовать засилье главенствующей численно партіи, а не интересы русскаго государства сколько бы Думъ ни распускали и не собирали.

Предлагаемыя въ настоящемъ очеркѣ измѣненія существующаго неудовлетворительнаго положенія имѣютъ цѣлію во 1-хъ если не совершенно уничтожить, то по крайней мѣрѣ въ возможно бо́льшей степени ослабить зло, присущее всякимъ выборамъ и приблизить ихъ къ идеалу, теоретически положенному въ ихъ основу, т. е. что бы они выдвигали изъ извѣстной группы людей дѣйствительно лучшаго, наиболѣе пригоднаго для предназначенной ему дѣятельности и представительства мѣстныхъ интересовъ, что достигается созна-

тельностью выборовъ, нынѣ совершенно отсутствующей; въ 2-хъ поставить возможные предѣлы образованію партійности и гнету личности партійной дисциплиной или вѣрнѣе подчиненія массы кучкѣ вожаковъ интригановъ; въ 3-хъ упорядочить поведеніе выборнаго законосоставительнаго собранія въ отношеніи соблюденія законности и приличій возстановленіемъ обще установленной отвѣтственности за ихъ нарушеніе; въ 4-хъ опредѣлить съ совершенною точностью государственное значеніе выборнаго собранія, какъ вспомогательнаго орудія Верховной Власти, но не соправительствующаго, пользующагося неприкосновенностью и свободою выраженія мнѣнія на равнѣ съ прочими подданными имперіи,—ни больше ни меньше; въ 5-хъ возстановить существеннѣйшій аттрибутъ Самодержавія, свободную волю монарха въ выборѣ рѣшенія изъ всѣхъ мнѣній, состоявшихся въ законосоставительныхъ учрежденіяхъ, а не ограниченіе только правомъ утвержденія или отверженія постановленій большинства; въ 6-хъ возстановить значеніе высшихъ правительственныхъ учрежденій: св. Сѵнода, Правительствующаго Сената и Государственнаго Совѣта, освободить ихъ отъ всякаго вліянія и вмѣшательства высшихъ чиновъ высшихъ административныхъ учрежденій и отъ совмѣстительства званій сенатора и члена Государственнаго Совѣта съ какою либо другою должностью или званіемъ.

За симъ останутся ли оба учрежденія Государственный Совѣтъ и Дума для разработки законопроектовъ, сольются ли они въ одно собраніе во всякомъ случаѣ слѣдуетъ установить ненарушимо, что ни одно мѣропріятіе, требующее осуществленія въ законодательномъ порядкѣ не можетъ быть представляемо на Высочайшее утвержденіе, не будучи на разсмотрѣніи законосоставительныхъ учрежденій. Изъ сего не желательны были бы никакія исключенія, потому что они непремѣнно поведутъ къ тѣмъ же злоупотребленіямъ, которыя разстроили въ конецъ нашъ стройный дореформенный Государственный механизмъ и свели Самодержавіе

Царя къ министерскому произволу за отвѣтственностью Монарха. Да и не можетъ быть такихъ экстренныхъ дѣлъ, которыхъ бы непоспѣлъ въ случаѣ надобности экстренно, внѣ очереди, разсмотрѣть Государственный Совѣтъ. Вакансіи же его должны быть сокращены возможно больше и продолжаться заразъ не свыше мѣсяца. Наконецъ могутъ быть установлены непрерывающіяся засѣданія, съ частичными освобожденіями на отдыхъ личнаго состава Совѣта. Можно также въ случаѣ экстренной, нетерпящей ни малѣйшаго отлагательства надобности, вызывать членовъ собранія изъ отпуска въ чемъ не встрѣтится затрудненія такъ какъ мѣстопребываніе ихъ должно быть извѣстно и о всякой его перемѣнѣ можно обязать немедленно увѣдомлять. Объ уѣхавшихъ лечиться заботиться нѣтъ надобности. Больные могутъ быть во всякое время года и во всякомъ положеніи занятій.

XVI.

Въ конечномъ выводѣ изъ всѣхъ высказанныхъ соображеній опредѣляется въ общихъ чертахъ слѣдующій остовъ программы порядка Государственнаго законоиздательства:

1. Назначеніе Государственнаго учрежденія, составленнаго изъ народныхъ избранниковъ, заключается въ томъ, чтобы зная истинныя нужды народа, направлять къ ихъ наиуспѣшнѣйшему удовлетворенію всѣ мѣропріятія правительства, освѣдомлять его и Верховную Власть объ истинномъ положеніи страны и доводить до ихъ свѣдѣнія о всѣхъ недостаткахъ правительственнаго механизма, всесторонне помогая своею опытностью и знаніемъ мѣстныхъ потребностей развитію и процвѣтанію государства и устраненію всего, препятствующаго достиженію этой цѣли.

2. Наличный составъ выборнаго Государственнаго учрежденія образуется посредствомъ прямыхъ выборовъ

изъ числа гласныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Духовенство выбираетъ своихъ членовъ особо установленнымъ порядкомъ.

Инородцы окраинъ, не слившіеся въ одну нераздѣльную жизнь съ русскимъ народомъ въ этомъ учрежденіи не участвуютъ.

3. Предсѣдательствуетъ въ собраніи народныхъ избранниковъ лицо, назначаемое Высочайшей Властію. Во избѣжаніе обремененія избранниковъ излишней и для многихъ непривычной работой все дѣлопроизводство ведется канцеляріей правительственнаго персонала.

4. Срокъ служенія народныхъ избранниковъ опредѣляется въ соотвѣтствіи со сроками земскихъ выборовъ, но совпадать съ таковыми не долженъ.

5. Народные избранники для полнѣйшей свободы выраженія своихъ мнѣній должны быть въ совершенной независимости отъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, посему категорически устраняются всякія денежныя вознагражденія и льготы въ какихъ бы ни было видахъ со стороны послѣднихъ народнымъ избранникамъ. Возмѣщенія за ихъ труды опредѣляются соотвѣтствующими уѣздными земскими собраніями, соотвѣтственно тому, какъ опредѣляется жалованье служащимъ по выборамъ отъ земствъ.

6. Правильность избраній контролируется Сенатомъ, а порядокъ и правила дѣйствій выборнаго собранія выработываются правительствомъ подъ наблюденіемъ Сената и утверждаются Высочайшей Властію.

7. Члены собранія народныхъ избранниковъ пользуются полною свободою въ выраженіи своихъ мнѣній въ предѣлахъ соблюденія законовъ, приличія и торжественнаго обѣщанія (присяги) ими даваемаго при приступѣ къ занятіямъ. Никакой особой неприкосновенностью кромѣ той, которая существуетъ для всѣхъ обывателей имперіи они не пользуются. За совершенные ими преступленія и проступки по должности своей, предаются суду по постановленію Сената, а по совершен-

нымъ внѣ учрежденія привлекаются къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ.

8. Въ Государственное учрежденіе народныхъ избранниковъ вносятся на обсужденіе всѣ правительственныя мѣропріятія касающіяся внутренняго благоустроенія государства, кромѣ тѣхъ, которыя въ видахъ пользы и безопасности государства не могутъ быть оглашаемы. Учрежденію предоставляется и собственная иниціатива предложенія мѣропріятій, но проекты таковыхъ прежде обсужденія ихъ собраніемъ народныхъ избранниковъ должны быть препровождены на заключеніе соотвѣтствующихъ правительственныхъ учрежденій, черезъ Совѣтъ Министровъ. Вопросы православной религіи и церковнаго благоустройства, и всѣхъ церковныхъ учрежденій, а равно отношенія между господствующей православной церковью и инославіемъ сужденію народныхъ избранниковъ неподлежатъ.

9. Собраніе народныхъ избранниковъ имѣетъ право требовать отъ правительственныхъ лицъ разъясненій по всѣмъ извѣстнымъ имъ нарушеніямъ законовъ и неправильнымъ дѣйствіямъ какъ ихъ самихъ такъ и административныхъ агентовъ и въ случаяхъ признанія объясненій неудовлетворительными доводить о семъ до свѣдѣнія Верховной Власти.

10. Очередь и срокъ вносимыхъ на разсмотрѣніе народныхъ избранниковъ дѣлъ опредѣляется Высочайшей Властію, но въ случаѣ уважительныхъ причинъ къ измѣненію, собранію предоставляется всеподданнѣйше ходатайствовать о томъ.

11. Если будетъ признано необходимымъ сохраненіе двухъ инстанцій разсматривающихъ законодательныя предположенія, то всѣ они одновременно обсуждаются и въ Государственномъ Совѣтѣ и въ случаѣ, если первая инстанція не исполнитъ въ срокъ возложенной на нее обязанности, на Высочайшее рѣшеніе представляются мнѣнія, образовавшіеся въ Государственномъ Совѣтѣ.

12. На заключеніе Государственнаго Совѣта поступаютъ всѣ мнѣнія съ обстоятельною ихъ мотивировкою состоявшіяся въ собраніи народныхъ избранниковъ, которыя затѣмъ, вмѣстѣ съ мнѣніями Государственнаго Совѣта представляются на Высочайшій выборъ и утвержденіе.

13. Такъ какъ образъ правленія Русскимъ государствомъ именуется Самодержавнымъ въ Основныхъ Законахъ, то въ нихъ должно быть точно выяснено положеніе выборно-государственнаго учрежденія къ Самодержавной власти главы государства, какъ призваннаго ей помогать и освѣдомлять, но не соправительствовать. Хотя *ограниченное* Самодержавіе представляетъ нелѣпость, но во избѣжаніе кривотолковъ, возникшихъ отъ опущенія въ новомъ изданіи основныхъ законовъ слова „неограниченное" слѣдуетъ его въ нихъ возстановить.

А такъ какъ главный отличительный аттрибутъ Самодержавія заключается въ свободномъ, ничѣмъ не стѣсняемомъ выборѣ рѣшенія Царствующимъ Главою Государства, слѣдуетъ возстановить тотъ порядокъ, при которомъ Верховной власти представлялось не одно мнѣніе „большинства", но всѣ мнѣнія на ея выборъ и рѣшеніе. Принципъ „большинства" не можетъ имѣть мѣста при Самодержавіи, ибо онъ его ограничиваетъ.

14. Сенату должно быть возстановлено его значеніе высшаго блюстителя законовъ, въ каковомъ отношеніи ему должны быть подчинены всѣ безъ исключенія правительственныя лица и учрежденія. Сенаторское званіе несовмѣстимо ни съ какимъ другимъ.

15. Въ Государственномъ Совѣтѣ члены его по назначенію Верховной власти тоже не могутъ занимать никакой другой должности, ни носить другаго званія, кромѣ почетныхъ; никто кромѣ членовъ Государственнаго Совѣта не долженъ имѣть тамъ рѣшающаго голоса. Министры и главно-управляющіе и ихъ замѣстители могутъ лишь быть въ немъ докладчиками

и давать объясненія, но въ подачѣ мнѣній не участвуютъ.

При намѣченномъ порядкѣ изчезнетъ та неопредѣленность положенія, та неясность существующаго государственнаго строя, возбуждающая разнотолки и смуту въ умахъ, болѣе опасную чѣмъ всѣ разбои, экспропріаціи и забастовки. Россія въ настоящемъ положеніи представляетъ безпримѣрное явленіе Государства, въ которомъ образъ правленія опредѣляется каждымъ сообразно своему вкусу и политическому пониманію не только въ средѣ общественной, но и въ сонмѣ правительствующихъ лицъ. Пора окончить съ такимъ невозможнымъ положеніемъ, которое въ концѣ должно разразиться неизбѣжною катастрофою; пора твердо и ясно опредѣлить положеніе Власти, правительства и пособныхъ ему выборныхъ учрежденій, а эти послѣднія составить изъ отбора лучшихъ членовъ отъ живыхъ земскихъ организмовъ, тѣснѣе всѣхъ соприкасающихся съ народною жизнью и потому *больше* всѣхъ имѣющихъ право выражать его потребности.

Дѣйствующій же нынѣ составъ „достойнѣйшихъ“ для всѣхъ неприкосновенный, ничѣмъ не связанный съ народными избирателями, ни передъ кѣмъ не отвѣтственный, доказалъ полную свою несостоятельность. Упорствовать въ удержаніи его значитъ идти къ вѣрному крушенію.